

"...AND POETRY IS BORN..."
RUSSIAN CLASSICAL POETRY

А. ПУШКИН

М. ЛЕРМОНТОВ

Ф. ТЮТЧЕВ

И. БУНИН

А. БЛОК

А. АХМАТОВА

В. МАЯКОВСКИЙ

A. PUSHKIN

M. LERMONTOV

F TYUTCHEV

I. BUNIN

A. BLOK

A. AKHMATOVA

V. MAYAKOVSKY

“...AND POETRY IS BORN...”

RUSSIAN CLASSICAL POETRY

A.PUSHKIN

M.LERMONTOV

F.TYUTCHEV

I.BUNIN

A.BLOK

A.AKHMATOVA

V.MAYAKOVSKY

Compiled and translated by
Irina Zheleznova

*RADUGA PUBLISHERS
MOSCOW*

*«...И ПРОБУЖДАЕТСЯ
ПОЭЗИЯ ВО МНЕ...»
ИЗ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ*

*А. ПУШКИН
М. ЛЕРМОНТОВ
Ф. ТЮТЧЕВ
И. БУНИН
А. БЛОК
А. АХМАТОВА
В. МАЯКОВСКИЙ*

*Составитель и переводчик
Ирина Железнова*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»
МОСКВА*

Drawings by Andrei Platonov

**«...И ПРОБУЖДАЕТСЯ ПОЭЗИЯ ВО МНЕ...»
ИЗ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ**

**Стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева,
И. Бунина, А. Блока, А. Ахматовой,
В. Маяковского в переводе И. Железновой**

*/на английском языке
с параллельными текстами на русском языке/*

© Состав. «Радуга», 1984

English translation © Raduga Publishers 1984

Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

И $\frac{4702010100-207}{031(01)-84}$ 003-84

CONTENTS

ALEXANDER PUSHKIN (1799—1837)

The Muse	10
The Captive	10
Night	12
To the Fountain of Bakhchisarai	12
To...	14
Winter Evening	14
"My blood's aflame! Desire and yearning..."	18
A Confession	18
Wintry Road	20
The Poet	22
"Sing, lovely one, I beg, no more..."	24
"Upon the hills of Georgia lies the haze of night..."	24
"It's wintertime and cold. A long day is before me..."	26
Winter Morning	28
The Caucasus	30
"What means my name to you?.. 'Twill die..."	32
"When in my arms your slender form..."	34
Demons	34
Elegy	38
Autumn (a n e x c e r p t)	38

MIKHAIL LERMONTOV (1814—1841)

The Sail	48
The Mermaid	48
The Captive	50
"When comes a gentle breeze and sways the yellowing field..."	52
Three Palms	54
Gifts of the Terek	58
I'm lonely and sad	62
A Cossack Lullaby	64
Clouds	66
My Native Land	68
The Dream	68
"Lone's the mist-cloaked road before me lying..."	70

FYODOR TYUTCHEV (1803—1873)

Spring Storm	76
A Vision	76
“Here, at a meagre earth, despondent...”	78
“As is the globe embraced by ocean, so...”	78
Autumn Evening	78
Silentium!	80
“Why moan, why wail you, wind of night...”	82
“Elysium of shades this soul of mine...”	82
“My love for you, sweet Earth, my mother...”	84
“The earth a cheerless look still wears...”	84
“It’s there, still there, a past love’s madness...”	86
“When life is but a round of crushing care...”	86
“Say not he loves me as before, as truly, dearly...”	88
“Reproach me not e’en if I earn your indignation...”	88
“There is a spell in autumn early...”	88
“I love the Tsarskoselsky Gardens...”	90
“The glare! The heat! O Nice, you blind me!”	90
“All day she quiet lay, lost in a trance...”	92
“How tuneful is the voice of sea...”	92
“Glum is the sky, by night imprisoned...”	94
To K. B.	94

IVAN BUNIN (1870—1953)

“As in a boundless sea in darkening fields and meadows...”	100
“No birds in sight. The forest withers slowly...”	100
The Pleiades	102
In an Estuary	102
The Stone Idol	104
Istanbul	104
A Farewell	106
The Fisherwoman	106
The Archipelago	108
The Bedouin	110
The Dog	110
Midnight	112
“The camel snorts. He won’t get up...”	112
Circe	114
Youth	116
The Last Bumblebee	116
“Warmth and light, buzzing bumblebees, wheat ears and grasses...”	118

ALEXANDER BLOK (1880—1921)

Delusion	122
“And I lie wordless at the feet...”	124
“And I... I spent a year of madness...”	126
Faina’s Song	130
“All thought of prowess, valiant deeds and fame...”	132
“Cruel May!.. The northern nights are sleepless...”	134
Kulikovo Field	134
Ravenna	136
The Girl from Spoleto	138
“The gondolas are coffins. Chilled by...”	140
In a Restaurant	142
The Commander’s Footsteps	144

ANNA AKHMATOVA (1889—1966)

“The cloud up in the wintry sky was furry...”	150
Song of a Last Meeting	150
“A simple way of life I’ve learned and wise...”	152
“I am in chains, I pine and languish...”	152
Evening	154
“Each new day that comes the heart unsettles...”	154
“Irreparably white the page. Long hours...”	156
“When I came to see the poet...”	156
“How dark is the path in the park by the sea...”	158
“Once having left my homeland’s sacred groves...”	158
“The immortelle is pink, it’s pink and dry...”	160
“O let the organ, many-voiced, sing boldly...”	162
“This wintry city where I wandered...”	162
The Shade	164
The Fourth (from the cycle <i>Northern Elegies</i>)	164
This Russian Soil	168
Thirteen Lines (from the cycle <i>Poems of Midnight</i>)	168

VLADIMIR MAYAKOVSKY (1893—1930)

To All and Everything	172
To His Own Beloved Self the Author Dedicates These Lines	180
Attitude to a Miss	182
Good! (Chapter 14)	184
Conversation With Comrade Lenin	196
“It’s after one, and you must be in bed. Uncurbed...”	202

Alexander Pushkin

THE MUSE

In my young years she loved me, and a seven-fluted,
A fine-toned panpipe gave me, and as I half-muted
Sounds wrung from out its depths, as my limp fingers touched
The hollow, tuneful reed, she by me sat and watched
And smiled to hear me play with skill that slow was growing
Hymns by the gods inspired and too the songs sweet-flowing
That in a bygone age the Phrygian shepherds sang.
With music all day long the silent oak grove rang
As taught I was by her, a privilege accorded
In secret to a few; at times the Maid rewarded
My diligence: her curls she'd fling back from her face
And from me take the pipe and play with such sweet grace
That by her breath revived and powers celestial granted
The reed was, and the heart with sacred song enchanted.

1821

THE CAPTIVE

A captive, alone in a dungeon I dwell,
Entombed in the stillness and murk of a cell.
Outside, in the courtyard, in wild, frenzied play,
My comrade, an eagle, has pounced on his prey.

Then, leaving it, at me he looks as if he
In thought and in purpose at one were with me.
He looks at me so, and he utters a cry.
“’Tis time,” he is saying, “from here let us fly!

“We’re both wed to freedom, so let us away
To where lonely storm clouds courageously stray,
Where turbulent seas rush to merge with the sky,
Where only the winds dare to venture and I!..”

1822

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семистольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой, и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградой случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

NIGHT

My voice, to which love lends a tenderness and yearning,
Disturbs night's dreamy calm... Pale at my bedside burning,
A taper wastes away... From out my heart there surge
Swift verses, streams of love, that hum and sing and merge
And, full of you, rush on, with passion overflowing.
I seem to see your eyes that, in the darkness glowing,
Meet mine... I see your smile... You speak to me alone:
My friend, my dearest friend... I love ... I'm yours ...
your own.

1823

TO THE FOUNTAIN OF BAKHCHISARAI

Two roses do I bring to thee,
O fount of love that 'fore me dances.
Thy tears poetic comfort me,
Thy tender voice my soul entrances.

Thou greetest me as I draw near,
My face with silvered dew drops spraying.
Flow, flow, O fount, and, ceaseless playing,
Speak, speak thy story in my ear.

O fount of love, O fount of sadness,
From thy stone lips long tales I heard
Of far-off parts, of woe and gladness,
But of Maria ne'er a word...

Like poor and long forgot Zarema,
Is she, the harem's pallid sun,
Formed of the mists of idle dreaming
And of the stuff of visions spun?

The spirit's dim and vague ideal
Drawn by the hand of phantasy,
Is she a thing remote, unreal,
A phantom that must cease to be?..

1824

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя.

1823

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

1824

TO...

O wondrous moment! There before me,
A radiant, fleeting dream, you stood,
A vision fancy fashioned for me,
A glimpse of perfect womanhood.

Through all life's sadness, all its wonted
And hopeless flurry and unrest
Your lovely face my spirit haunted,
Your tender voice my ear caressed.

Swift storms struck; o'er me wrathful breaking,
They fast dispelled the dreams of yore.
Your image blurred, my heart forsaking,
Your voice caressed my ear no more.

In cold and gloomy isolation
The years sped by, the lonely years,
'Thout deity, 'thout inspiration,
Bereft of life and love and tears.

And then — O bliss! — time's flight defeating,
You came again and 'fore me stood,
A vision radiant and fleeting,
A glimpse of perfect womanhood.

My heart is filled with sweet elation,
Anew it craves, anew reveres,
And is awake to inspiration,
Awake to life and love and tears.

1825

WINTER EVENING

O'er the earth a storm is prowling,
Bringing whirling, blinding snow.
Like a beast I hear it howling,

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,

Like an infant wailing low.
Now the thatch it rustles, playing
On our roof; now at our pane
Raps like someone homeward straying
And benighted in the plain.

Old our hut is, dark and dreary,
By a candle dimly lit...
Why so sad, my dear, and weary
At the window do you sit?
Is't because the storm is moaning
That so very still you keep?
Does your spindle's mournful droning
Put you quietly to sleep?

Come, O comrade solitary
Of this cheerless youth of mine,
Take a cup, and let us bury
All our many woes in wine!
Of a maid out by a river
Sing a little song to me
Or a tomtit, one that never
Leaves its home beyond the sea.

O'er the earth a storm is prowling,
Bringing whirling, blinding snow.
Like a beast I hear it howling,
Like an infant wailing low.
Come, O comrade solitary
Of this cheerless youth of mine,
Take a cup and let us bury
All our many woes in wine!

1825

То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка?
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

My blood's aflame! Desire and yearning
O'erwhelm me: stung this heart of mine.
O kiss me, love! Your kisses burning
Are sweeter far than myrrh or wine.
Lay your head, dear one, on my breast,
And blithe and happy will I rest
Till the first breath of cheerful day
The shades of nighttime drives away.

1825

A CONFESSION

To Alexandra Ivanovna Osipova

I love you — love you, e'en as I
Rage at myself for this obsession,
And as I make my shamed confession,
Despairing at your feet I lie.
I know, I know — it ill becomes me,
I am too old, time to be wise...
But how?.. This love — it overcomes me,
A sickness this in passion's guise.
When you are near I'm filled with sadness,
When far, I yawn, for life's a bore.
I must pour out this love, this madness,
There's nothing that I long for more!
When your skirts rustle, when, my angel,
Your girlish voice I hear, when your
Light step sounds in the parlour — strangely,
I turn confused, perturbed, unsure.
You frown — and I'm in pain, I languish;
You smile — and joy defeats distress;
My one reward for a day's anguish
Comes when your pale hand, love, I kiss.
When you sit bent over your sewing,
Your eyes cast down and fine curls blowing

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня; твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

1825

ПРИЗНАНИЕ

к Александре Ивановне Осиповой

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно,— я зеваю;
При вас мне грустно,— я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,

About your face, with tenderness
I childlike watch, my heart o'erflowing
With love, in my gaze a caress.
Shall I my jealousy and yearning
Describe, my bitterness and woe
When by yourself on some bleak morning
Off on a distant walk you go,
Or with another spend the evening
And, with him near, the piano play,
Or for Opóchka leave, or, grieving,
Weep and in silence pass the day?..
Alina! Pray relent, have mercy!
I dare not ask for love — with all
My many sins, both great and small,
I am perhaps of love unworthy!..
But if you feigned love, if you would
Pretend, you'd easily deceive me,
For happily would I, believe me,
Deceive myself if but I could!

1826

WINTRY ROAD

Slow the moon, embraced by shadow,
Climbs the hilly clouds of night
And upon the cheerless meadow
Sadly pours its pallid light.

Down the road, as white and eerie
As the wintry, boundless lea,
Runs my troika, and the weary
Sleigh-bell jangles drowsily.

In the driver's song unending
Much is there that speaks to me,
Now a plaint, my spirit rending,
Now a reckless gaiety...

Глаза и кудри опустя,—
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

All around is snow, and nothing,
Not a light to cheer the eye;
Mileposts rush to meet me, nodding
As they pass indifferent by.

But, my Nina, on the morrow,
By the fire's unsteady blaze,
I will drown my gloom, my sorrow
And my dullness in your gaze.

Let the clock, its passage charted,
Midnight strike, we'll not, my own,
Once the others leave, be parted,
But stay on — stay on alone.

Sad am I.. The night encloses
Field and wood... The moon looms wan...
In his seat the driver dozes,
Through the snow the road drags on.

1826

THE POET

The bard, when asks of him Apollo
No sacred offering, is deep
In worldly cares ere long and follows
A dismal road: dark, numbing sleep
His soul embraces; no sound reaches
Us from his lyre — mute does it rest;
Of all earth's mean and paltry creatures
He is perhaps the paltriest.

But lo!— the good god's voice his ear
Has reached, and from his torpor parted
Is he, his soul an eagle startled
And on the wing. Our pleasures drear
Now seem to him; so too does idle
And petty talk. He'll not his head

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен.
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,

Bow in obeisance to an idol,
The darling of the herd. Instead,
Full of sweet sounds, in wild confusion
Of heart, to distant, lonely seas
That lick at empty shores he flees,
In windswept forests seeks seclusion...

1827

* * *

Sing, lovely one, I-beg, no more
The songs of Georgia in my presence,
For of a distant life and shore
Their mournful sound calls up remembrance;

For of a moonlit steppe, and night
They cruelly, vengefully remind me,
And of a face long lost to sight,
Well loved, but left, alas, behind me.

When you are nigh, I gaze at you,
And lo!— No fatal shadow haunts me.
But at your song's first note anew
It reappears, and plagues and taunts me.

Sing, lovely one, I beg, no more
The songs of Georgia in my presence,
For of a distant life and shore
Their mournful sound calls up remembrance.

1828

* * *

Upon the hills of Georgia lies the haze of night...
Below, the Aragva foams... The sadness
That fills the void of days is, strangely, half delight,
'Tis both sweet pain and sweeter gladness.

К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Because you haunt my heart, it cannot be at rest,
And yet 'tis light and untormented
By morbid thoughts... It loves... It loves because it must,
Rejoicing in the love by fortune sent it.

1829

* * *

(2 November)

It's wintertime and cold. A long day is before me.
The servant brings my tea. "How is the weather — stormy
Or has the blizzard stilled?" I ask him. "And the snow —
Right for the hunt, I hope? If not, then tell me so!..
Now, is it bed or saddle?.. Wait, I know what's coming:
You'll tell me I'm to sit indoors till dinner, thumbing
Through these outdated sheets... No? Then — to horse!"—
And we

With dawn's first light are off across the empty lea.
We're holding riding crops, our hounds the horses follow;
Our eyes are on the ground, each drift, each snowy hollow
We patiently inspect, then, circling, scour the grove,
And, two hares bagged, ride home... The hour is late, by Jove!..
Now night crawls up... What cheer!.. The wind howls. On the
table

A lonely candle smokes. The heart aches, is unable
To cast off sudden gloom... Of boredom drop by drop
The baneful brew I drink... At random picking up
A book, I scan a page... My thoughts are far, and, closing
The volume, for a pen I listless search... She's dozing,
My Muse is, and from her I can but force a few
Inane and dismal words, a shapeless phrase or two...
My wayward servant Rhyme ignores my goading... Dull are
The lines that slowly form, cold, nebulous, of colour
Bereft... The lyre is mute...

By our long match worn out,
I join the rest downstairs... What is the talk about?..
Of course!— The sugar mill, and the elections, whether
They'll soon be held or not... As sulky as the weather
Our hostess is, she frowns the while her needles fly,
Or at the King of Hearts stares with a doubtful eye.

Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

* * *

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами,
Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сию; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.

Was ever man so bored! The days run on unending,
In weary solitude... But should, when I am spending
Over a game of draughts an hour or sometimes more,
My neighbour's covered sleigh at dusk stop at my door
And bring three welcome guests: two sisters and their mother —
The girls are fair and slight and very like each other —
Then bubbling, sparkling life, I willingly confess,
Comes to my lone retreat, my distant wilderness!..
At first a casual look, then, one less cool, less guarded,
Then some few words exchanged, then, all reserve discarded,
Long conversations, laughter, songs by candlelight,
Games, dancing, talk with questions that invite
Hushed, meaningful replies and coy and languid glances,
And, on a narrow staircase, murmured confidences...
Night's coming to the porch a young maid brings. She stands
There shyly, bosom bare... The storm fine snowflakes sends
Into her face. But see — the northern winds hard-blowing
Can do the Russian rose no harm: her cheeks are glowing,
On her lips kisses flame; fresh stays she mid the snows!

1829

WINTER MORNING

Snow, frost and sunshine... Lovely morning!
Yet you, dear love, its magic scorning,
Are still abed... Awake, my sweet!..
Cast sleep away, I beg, and, rising,
Yourself a northern star, the blazing
Aurora, northern beauty, meet.

Last night a snowstorm raged, remember;
A turbid haze swam in the sombre,
Wind-ravaged sky, and through the grey
Murk of the clouds the moon shone dully,
And you sat listless, melancholy...
But now — look out the window, pray —

Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

'Neath lucid skies of clearest azure,
Great snowy carpets, winter's treasure,
A rich and dazzling sight, lie spread.
The wood is etched against them darkly,
The firs, rime-starred, are green and sparkling,
In shiny mail the stream is clad.

A mellow glow like that of amber
Illumes the room... 'Tis good to linger
Beside the gaily crackling stove,
And think and dream... But let our honest
Brown mare without delay be harnessed
That we may take a sledge ride, love.

We'll give free rein to her, and lightly,
The snow of morning gleaming brightly,
Skim over it, and, full of glee,
Cross empty fields and empty meadows,
A once green wood with trees like shadows,
A stream and bank long dear to me.

1829

THE CAUCASUS

Below me the silver-capped Caucasus lies...
Nearby an abyss yawns, and, far down, a roaring
Stream swift rushes past; o'er the peaks calmly soaring,
An eagle seems motionless, pinned to the skies.
Here rivers are born that mid rocks, grumbling, wander
And landslides begin with a crash as of thunder.

Here float solemn storm clouds, and through them cascade
Swift torrents of water; they plunge o'er the edges
Of great, naked cliffs and spill down to the ledges
That patches of moss and dry brushwood invade.
Beneath spread green groves, lush with herbs and
sweet-scented,
Where birds trill and chirp and where deer play, contented.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

Lower still, in the hills, nestle men; flocks of sheep
The pasturelands roam; to the gay, flowery meadow
Where flows the Aragua, its banks clothed in shadow,
A shepherd descends. In a narrow and deep
Ravine a poor horseman lurks, tense and unsleeping,
And, laugh-crazed, the Terek goes tumbling and leaping.

It lashes about like a beast in a cage
With food out of reach, full of hunger and craving,
And licks at the boulders, and, howling and raving,
Strikes out at the shore in a frenzy and rage.
Alas! it is thwarted: the mountains surround it;
Mute, threatening giants, they press darkly round it.

1829

* * *

What means my name to you?.. 'Twill die
As does the melancholy murmur
Of distant waves or, of a summer,
The forest's hushed nocturnal sigh.

Found on a fading album page,
Dim will it seem and enigmatic,
Like words traced on a tomb, a relic
Of some long dead and vanished age.

What's in my name?.. Long since forgot,
Erased by new, tempestuous passion,
Of tenderness 'twill leave you not
The lingering and sweet impression.

But in an hour of agony
Pray speak it, and recall my image,
And say, "He still remembers me,
His heart alone still pays me homage."

1830

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

1830

When in my arms your slender form
 I take, perhaps a shade too boldly,
 And words of love, impetuous, warm,
 Pour out to you, in silence, coldly
 From my unasked-for, rash embrace
 You free yourself, and for an instant
 A smile appears upon your face,
 At once mistrustful, wan and distant.
 Too promptly has your memory stored
 Of all my errant ways the rumour —
 I speak, and you are out of humour,
 I plead my cause, and you are bored...
 O how I curse the sweet diversions
 And pleasures of my wicked youth,
 Love's nightly meetings and excursions
 To some dark garden nook or path,
 The verses born to stimulate
 And stir the blood, the fond caresses
 Bestowed too soon by trusting lasses,
 And their laments that came too late.

1830

DEMONS

Spinning storm clouds, rushing storm clouds,
 Hazy skies, a hazy night,
 And a furtive moon that slyly
 Sets the flying snow alight.
 On we drive... The waste is boundless,
 Nameless plains skim past, and hills.
 Gripped by fear, I sit unmoving...
 Tink-tink-tinkle go the bells.

“Coachman, come, wake up!..” “The horses
 They are weary, sir, and slow;
 As for me, I’m nearly blinded
 By this blasted wind and snow!

Когда в объятия мои
 Твой стройный стан я заключаю
 И речи нежные любви
 Тебе с восторгом расточаю,
 Безмолвна, от стесненных рук
 Освобождая стан свой гибкий,
 Ты отвечаешь, милый друг,
 Мне недоверчивой улыбкой;
 Прилежно в памяти храня
 Измен печальные преданья,
 Ты без участия и вниманья
 Уныло слушаешь меня...
 Клянусь коварные старанья
 Преступной юности моей
 И встреч условных ожиданья
 В садах, в безмолвии ночей.
 Клянусь речей любовный шепот,
 Стихов таинственный напев,
 И ласки легковерных дев,
 И слезы их, и поздний ропот.

1830

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
 Коням, барин, тяжело;
 Вьюга мне слипает очи;
 Все дороги занесло;

There's no road in sight, so help me;
What to do?.. We've lost our way.
It's the demon that has got us
And is leading us astray.

“Look! He's close; he plays and teases,
Blows and spits, and, all unseen,
With a laugh our horses pushes
To the edge of a ravine.
Now he'll rise, a giant milepost,
Straight before me; now, a spark,
Flash and gleam, and, sinking, vanish
Of a sudden in the dark.”

Spinning storm clouds, rushing storm clouds,
Hazy skies, a hazy night,
And a furtive moon that slyly
Sets the flying snow alight.
Spent from circling round, the horses
Jerk and stop... The bells go dead.
“That a stump or wolf?” “Yer Honour,
I don't rightly see ahead.”

Loud the snowstorm weeps and rages,
And the horses snort in fright.
O'er the plain the demon prances,
In the murk his eyes glow bright.
Off the horses start a'shudder,
And the bells go ting-a-ling...
Demons, demons without number
Gather round us in a ring.

In the eerie play of moonlight
They grimace, they wail and call,
Whirling, leaping, dancing madly
Like the windswept leaves of fall.
Why are they so wild, so restless?
Why so weird the sounds they make?
Could this be a witch's wedding?
Could this be a goblin's wake?

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Spinning storm clouds, rushing storm clouds,
Hazy skies, a hazy night,
And a furtive moon that slyly
Sets the flying snow alight.
Skyward soar the whirling demons,
Shrouded by the falling snow,
And their plaintive, awful howling
Fills my heart with dread and woe.

1830

ELEGY

Of my mad years the vanished mirth and laughter
Affect me like a fume-filled morning-after.
Not so past pain — like wine is it to me
That as the years go by gains potency.
Sad is the path before me: toil and sorrow
Lie on the restless seaways of the morrow.

And yet from thought of death, my friends, I shrink;
I want to live — to suffer and to think,
And amid care and grief and tribulation,
Taste of sweet rapture and exhilaration;
Be drunk with harmony; touch fancy's strings
And freely weep o'er its imaginings...
And love's last flash, its smile of farewell tender
My sad decline may yet less mournful render.

1830

AUTUMN

An excerpt

I

October has arrived; the grove the last remaining
Gold-speckled leaves sheds fast; the boughs hang brown and
bare;
A brook beyond the mill winds gay and uncomplaining,

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

ОСЕНЬ

(Отрывок)

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает,

But ice sheathes pond and road — a nip is in the air;
Off, eager, to the chase my neighbour rides, restraining
His chafing horse no more while horns expectant blare,
And by the boisterous sport the distant fields lie shaken,
And baying, hoarse-voiced packs the sleeping woods awaken.

II

'Tis autumn that I love; by spring am I laid low;
A thaw depresses me; I find my senses reeling,
A fever in my veins... The mud, the smells... A slow
Gloom on my heart descends... Contrariwise, how healing
Is winter with its frosts and sleigh rides o'er the snow,
Your love beside you, close, her trembling fingers stealing
Beneath the silky furs to curl around your own,
Their hot, their burning touch designed for you alone!

III

To don swift steel and glide o'er glassy streams — a merry
And pleasing way is this the wintry morn to spend!
Or else take winter's fetes — how sparkling they, how very
Blithe and packed full of thrills! And yet confess, dear friends,
That e'en the sleepy bear would find it dull to bury
Himself amid the snows for half a year on end.
To sleigh-ride with young nymphs or by a fire sit moping —
That this won't pall in time is, I insist, past hoping!

IV

O beauteous summertime! I'd love you well without
The heat, the clouds of dust, the gnats and flies besetting
Mankind in buzzing swarms... Like fields we die of drought...
All our perceptions numbed, for lack of cool shade fretting
And of refreshing drink, we only think about
These simple needs, and winter's sure demise regretting,
The ancient dame send off with pancakes, and partake
Of quantities of ice and ices at her wake.

V

Late fall is viewed by most with unconcealed disfavour,
But I am spellbound held, dear reader, by its mild
And tranquil loveliness... No season is there braver,

Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора, я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой. я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.

More splendid in its way. Thus will an unloved child
My warm affections draw. Nay, friends, I do not waver
When I admit to it: my fancy is beguiled
By autumn's mellow charm. No vain or boastful lover,
The magic hid in it I waywardly discover.

VI

I love it as one might — how shall I best explain?—
Love a consumptive maid who, though too early fated
To die, meets her decline 'thout murmur, to complain
Unwilling... On her lips a smile still plays... Death's hated,
Grim visage is in sight, and yet her eye, 'tis plain,
Turns from his yawning jaws; he'll claim his long awaited,
Long sought-for prize, unseen... Her cheeks are flushed and red...
To-day she is alive, and on the morrow, dead.

VII

O drear and cheerless time, you charm the eye and tender
Contentment to the heart. How wondrous to behold
Your dying beauty is, the lush and sumptuous splendour
Of nature's farewell bloom: the forests clad in gold;
The wind's refreshing breath; the azure sky's surrender
To greyish, pearly haze; the pinch of early cold;
The fitful rays of sun that greet us for an instant,
And hoary winter's threats still undefined and distant.

VIII

When gracious autumn comes my heart feels gay and light,
I am alive once more... Benign and salutary
Our Russian cold is, friends. My sleep, my appetite
It benefits, I vow. My very step grows airy;
The daily round of life brings me renewed delight;
Desires within me seethe... I'm young again and merry.
So am I built, so made, for which dull turns of speech
Your pardon, readers mine, herewith do I beseech.

IX

My horse is brought to me, and off he races, winging
Across the boundless wastes of open field and way!
Beneath his flashing hoofs the frozen ground is ringing

Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыхание,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом

And cracking here and there... But brief's the light of day,
It wanes, and in the grate a fire is lighted, bringing
A cheery warmth with it... Drawn by the freakish play
Of leaping, darting flames, I loll nearby, perusing
A book, or, wrapped in thought, of many things sit musing.

X

Then, all the world forgot, in dulcet quietude
I fall beneath the spell of dulcet fancy's dreaming,
And poetry is born within me, and a mood
Of lyric restlessness o'erwhelms my spirit, seeming
To make it quiver, sing, and seek, no more subdued,
To pour out free at last and chainless... Toward me streaming,
Come callers by the score, upon me fast they gain;
Old friends they are of mine, the offspring of my brain.

XI

Thoughts flock to me in droves; they dance about and caper;
Swift rhymes to meet them rush; my fingers restive grow,
They boldly seek a pen; the pen, a sheet of paper...
A moment, and the verse will smoothly, freely flow.
So does a vessel doze till on her deck the dapper,
Quick-moving hands appear; up, down they creep, and lo!—
The wind fills out the sails, and, on her travels leaving,
The ship begins to move, the swelling waters cleaving.

XII

She's off!.. Where are we bound, for what mist-covered shores?..

.
.

1833

Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно, а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

Х

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем;
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

ХІ

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

ХІІ

Плывет. Куда ж нам плыть?...

.
.

Mikhail Lermontov

THE SAIL

A lone white sail shows for an instant
Where gleams the sea, an azure streak.
What left it in its homeland distant?
In alien parts what does it seek?

The billows play, the mast bends, creaking,
The wind, impatient, moans and sighs...
It is not joy that it is seeking,
Nor is it happiness it flies.

The blue waves dance, they dance and tremble,
The sun's bright rays caress the seas.
And yet for storm it begs, the rebel,
As if in storm lurked calm and peace!..

1832

THE MERMAID

I

A young mermaid once swam and plashed in a stream
That was lit by a full moon's bright beam,
And she struck at the waves, for she wanted to send
The white foam to the moon overhead.

2

And the stream leapt and danced and rushed noisily on,
And the clouds in its depths whirled and spun.
And the young mermaid sang, and her song echoed o'er
The blue water and high, rocky shore.

3

Sang the mermaid: "Deep down, hid from everyone's sight,
There are flashes of colour and light,
Crystal cities that give off a magical glow,
Golden fishes that flit to and fro.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы,— он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

РУСАЛКА

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

“On bright pillows of sand, in the stream’s cool embrace,
 With the sea grasses shading his face,
 Sleeps a knight, of the jealous blue waters the prey,
 Sleeps a knight from a land faraway.

“And my sisters and I, when we tire of our play,
 By the side of the knight like to stay,
 And we comb his silk locks with a gold comb, and his
 Ashen brow and pale lips gently kiss.

“But the knight never stirs and, I cannot tell why,
 To our kisses he does not reply.
 Cold and still lies he there, by a deep slumber bound,
 And no murmur escapes him, no sound.”

So the young mermaid sang, filled with sadness and pain —
 Where they came from she could not explain;
 And the stream leapt and danced and rushed noisily on,
 And the clouds in its depths whirled and spun.

1832

THE CAPTIVE

Break my chains and ope my dungeon,
 Let me see the light of day;
 Call you nigh a dark-eyed maiden
 And a black-maned steed, I pray.
 First I'll kiss the young maid sweetly,
 Then upon the steed's back fleetly
 Spring, and with a gleeful cry
 'Cross the green steppe wind-like fly.

И там на подушке из ярких песков
 Под тенью густых тростников
 Спит витязь, добыча ревнивой волны,
 Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
 Мы любим во мраке ночей,
 И в чело и в уста мы в полуденный час
 Целовали красавца не раз.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
 Остается он хладен и нем;
 Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
 Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
 Полна непонятной тоской;
 И, шумно катясь, колебала река
 Отраженные в ней облака.

1832

УЗНИК

Отворите мне темницу,
 Дайте мне сиянье дня,
 Черноглазую девицу,
 Черногривого коня.
 Я красавицу младую
 Прежде сладко поцелую,
 На коня потом вскочу,
 В степь, как ветер, улечу.

Dark my prison is and sombre,
And the door is locked and barred.
Sad the maid sits in her chamber,
From the one who loves her far;
And my good steed 'thout a bridle
In the green field wanders idle
Or, up dale and then down hill,
Prances gaily at his will.

All alone am I, and trying
Is my lot: on bare stone walls
From a smoke-stained lamp a dying,
Cheerless ray uncertain falls,
While behind the door the faceless
Sentry walks, his measured paces,
That no warmth or comfort bring,
In the silence echoing.

1837

* * *

When comes a gentle breeze and sways the yellowing field,
And, startled by its sigh, the green woods stir and hum;
When, in a garden nook, I see a blushing plum
From summer's greedy ray by leaves concealed;

When sprayed by perfumed dewdrops, of a chilly,
Rose-tinted, dreamy night or after dawn, at me
From 'neath an emerald bush a tender lily
Its tiny, silver head nods cheerily;

When plays an icy spring and in a gully dances,
And I can feel my thought to hazy dreams succumb
Born of its soft-voiced babbling, as romances
It spins of peaceful lands whence it has come—

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,—

Then does my lined brow clear; the lingering sadness
That fills my troubled heart at long last leaves it free;
Above me, in the skies, God do I see;
On earth, know rich, rewarding gladness.

1837

THREE PALMS

A Tale of the East

Three palms proudly grew in Arabia fair...
Beneath them, on soil that was arid and bare,
A spring bubbled up and went gurgling and playing,
No fear of the winds or the sandstorms betraying;
The leaves of the palms gave it coolness and shade,
And safe from the blaze in their shelter it stayed.

Years passed, but no wanderer, roaming these lands,
Discovered the spring in the midst of the sands,
None knelt here, none refuge and sustenance sought here,
None thirstily drank of the life-giving water...
Years passed, and, exposed to the merciless sky,
The lush bower of leaves started slowly to dry.

"How senseless our fate!" said the palms with a sigh.
"Alas! To be born but to wilt and to die.
By sun burnt and stung and by wild winds and tameless,
In vain did we grow here, our life has been aimless;
No eye have we gladdened, no man have we served...
Thy judgement is harsh, Lord, and little deserved!"

They spoke, and at once, in the distance—behold!—
There rose clouds of dust of the colour of gold.
A jangling of bells rent the air, and a ringing,
And rug-covered packs, bright and many-hued bringing,
Like so many ships, with the seas safely spanned,
Of camels a train toward them ploughed through the sand.

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога.

1837

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

And fast to the humps of the animals strung,
The sun-faded tents of the nomad folk hung,
A flashing dark eye peeping out through the flowing
And billowing folds, or a slender hand showing.
And bent o'er the pommel, the desert's own son,
A slim-waisted Arab, his horse goaded on.

The horse neighed and reared, and then, neighing anew,
Leapt up like a leopard by arrows pierced through;
The horseman's white robes, as his mount he sat proudly,
Flew freely behind him. He called to it loudly,
And whistled, and, making the horse whirl about,
His lance flung up high with a wild, piercing shout.

The nomads drew near; 'neath the palms camp was made,
And laughter and talk rent the calm. In the shade
Stood jugs, and they rang as the spring water chilling
Ran into them humming, their clay bellies filling.
The palms bowed and nodded and greeted their guests,
And gravely they offered them welcome and rest.

But dusk brought of axes the sharp, cruel sound,
And down came the lords of the sands to the ground.
Ripped off were their cloaks, torn to pieces and scattered,
Their mighty old bodies were mangled and shattered,
And later, when night, cool and shadowy, came,
Fed slowly to pitiless, hungering flame.

At dawn, as the mist westward rolled and away,
The caravan, rising, set off on its way,
And there, on the ground, lay some ash, cold and greying;
The desert sun burnt it; the wind, near it straying,
Its dusty remains strewn all over the plain,
And nothing was seen of them ever again,

To-day all is wild here and empty and bleak...
Leaves, once never still, to the spring no more speak,

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой:
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налились водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей,

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:

And vainly to God in its helplessness turning,
For shade does it beg—o'er it, white-hot and burning,
Whip sands, while nearby, in the bright glare of day
A black, tufted kite silent tears at its prey.

1839

GIFTS OF THE TEREK

Mid huge rocks, the Terek, leaping,
Onward courses, wild and fierce.
Like a storm he howls, and, weeping,
Sprays the cliffs with angry tears.
But he broadens out on reaching
The great steppe and waxes meek.
To the sea in half beseeching,
Friendly tones we hear him speak:

“Give my waters refuge, ancient,
Give them shelter, Caspian Sea.
Long enough have they, impatient,
Roamed the hills, it seems to me.
Sired by peaks Caucasian soaring,
By the clouds above them fed,
They dispute man's rule, and, roaring,
Rush impetuous ahead.
They have robbed Daryal* of treasure,
Herds of boulders, free of fear,
For your sons' delight and pleasure
Driving off year after year.”

But the Caspian Sea is drowsy
And he does not seem to hear,
And the Terek, his friend rousing,
Murmurs softly in his ear:

“Here's a gift, a rich one, for you —
A Kabardian who fell

* Daryal — a gorge in the Caucasus.— *Tr.*

Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,

On a battlefield. Before you
He is lying, cold and still.
Precious is his mail of iron;
On his elbow guards — behold! —
Lines from the Koran incised are,
All in lettering of gold.
Dead, he wears a look unbending,
Knit his brows are, while a trace
Of dark blood his lip stains, lending
Something solemn to his face.
On it enmity is graven,
And 'tis mirrored in his stare.
Round his neck there steals a raven
Lock of wet and matted hair.”

But the Caspian Sea is pensive
And to answer does not deign,
And the Terek, apprehensive,
Pauses and then speaks again.

“Look, O sea, I have another
Gift to offer — take it, pray.
From the world, my friend and brother,
I have kept it hid away.
'Tis a Cossack maid, a daughter
Of the steppes. Long has she been
Cradled by my friendly waters,
Long no man the maid has seen.
Fair is she, her hair a gleaming
Mass of gold, and seems at rest,
With the blood still thinly streaming
From the wound that mars her breast.
On the shore, come night, come morning,
Crowd her people, young and old.
All save one her death are mourning,
All save one young Cossack bold.
The Chechens he battles, smiting
Right and left, his sword held high.

Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,

In the hills he is and fighting,
And 'tis fighting he will die."

Low the Terek's voice is growing
As the sandy shore he laves,
While a maid's head, pale hair flowing,
Bobs and bounces on the waves.

And the sea, huge billows raising,
Fearful as a thunderstorm,
Starts awake, his blue eyes blazing,
Full of passion newly born.

Swept by sudden joy and rapture,
With love's tenderest whisper, he
Folds the waters and their capture
To his old heart eagerly.

1839

I'M LONELY AND SAD

I'm lonely and sad, and in moments of bitterest pain
Have no one to look to, alas...
Desires!.. What use to desire without end, without gain,
While all the best years swiftly, fleetingly pass!

To love... Whom?.. If briefly, 'tis not worth the effort...
Fore'er?..

Vain longing, since love cannot last.
Look into your heart: joy and torment — all paltry, and there
Remains not a trace of the past.

The passions?.. Sweet ailment that reason will easily cure,
A cold word of logic arrest.
And life — what is life if you look round you coolly?—
A poor,
An empty and trivial jest!..

1840

На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный,—
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь?— там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти?— ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка...

1840

A COSSACK LULLABY

Sleep, my darling, sleep, my baby,
Close your eyes and sleep.
Darkness comes; into your cradle
Moonbeams shyly peep.
Many pretty songs I'll sing you
And a lullaby.
Pleasant dreams the night will bring you...
Sleep, dear, rock-a-bye.

Muddy waters churn in anger,
Loud the Terek roars;
A Chechen with shining dagger
Crawls onto the shore.
Steeled your father is in gory
Battle... You and I,
Little one, we need not worry...
Sleep, dear, rock-a-bye.

There will come a day when boldly,
Like your dad, my son,
You will mount your horse and shoulder,
Proud, a Cossack gun.
With bright silks your saddle for you
I will sew... There lie
Roads as yet untrod before you...
Sleep, dear, rock-a-bye.

You'll grow up to be a fearless
Cossack, and a true.
Off you'll ride, and I'll stand tearless,
Looking after you.
But when you are gone from sight, son,
Bitterly I'll cry...
May the dreams you dream be light, son;
Sleep, dear, rock-a-bye.

Thoughts of you when we are parted
All my days will fill.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;

In the nighttime, anxious-hearted,
Pray for you I will.
I'll be thinking that you're lonely,
That for home you sigh...
Sleep, my son, my one and only,
Sleep, dear, rock-a-bye.

I will see you to the turning,
And you'll ride away.
With my icon you will journey
And before it pray.
Let your thoughts in time of danger
To your mother fly.
Close your eyes and sleep, my angel,
Sleep, dear, rock-a-bye.

1840

CLOUDS

Clouds in the skies above, heavenly wanderers,
Long strings of snowy pearls stretched over azure plains!
Exiles like I, you rush farther and farther on,
Leaving my dear North, go distances measureless.

What drives you southward? Is't envy that covertly
Prods you or malice whose arrows strike openly?
Destiny is it? A crime hanging over you?
Or friendship's honeyed but poisonous calumny?

No! O'er those barren wastes heedlessly journeying,
Passion you know not or anguish or punishment;
Feeling you lack, you are free — free eternally,
You have no homeland, for you there's no banishment.

1840

Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

MY NATIVE LAND

I love my native land, but mine's a strange love, truly,
That baffles reason. Neither glory bought
With blood, nor, I record it duly,
A calm to proud faith wed, nor exploits brought
To life in tales and myths and out the dim past taken
Within my heart a glad response awaken.

And yet I love, not knowing why they please,
Her rolling steppes, at once so chill and soundless,
Her wind-swept, rustling groves and forests boundless,
Her streams, by vernal floods made nigh as broad as seas...

Reclining in a cart and for a warm bed sighing,
I love to bump along a country road at night,
With drowsy eye through murk's thick pall descrying
Of cheerless villages the lonely, trembling lights,
Smoke coiling o'er a field of stubble,
A string of wagons homeward bound
Or camping in the steppe, two humble
Young birches perched atop a mound,
A barn with grain stocked to the ceiling,
Carved wooden shutters, roofs of thatch —
All, all within me wakes a feeling
Of joy... And, too, I like to watch
The village dancers stamping wildly
And whistling of a Sunday, as
Drunk muzhiks, sitting nearby idly,
In talk the hours of nighttime pass.

1841

THE DREAM

In Daghestan, no cloud its hot sun cloaking,
A bullet in my side, I lay without
Movement or sound, my wound still fresh and smoking
And drop by drop my lifeblood trickling out.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Stretched on the sand I lay, and darkly round me
The jutting hills hung motionless... Upon
Their tops the sun poured full; its bright rays found me
And burnt me, too — but I slept soundly on.

I dreamt about my homeland and a merry
And glittering feast where all was noise and glee
And where young wives, flower-garlanded, in airy,
Lighthearted talk indulged and spoke of me.

But there was one who sat there pensive, buried
In thought remote: alone she waxed not gay.
By sorrowful dreams her youthful soul was carried,
Why, only Heaven knew, far, far away.

'Twas Daghestan's bright vale that she did dream of —
A man lay there whom she had known of old.
A black wound in his side gaped, and a stream of
Blood from it came that slowed and then turned cold.

1841

* * *

Lone's the mist-cloaked road before me lying;
On and on it winds and draws me far.
Night is still, all earthly sounds are dying;
Nature lists to God; star speaks to star.

Silent is the earth and wrapt in slumber,
By a silvered blueness it is lit.
Why is my heart plagued by feeling sombre?
Is there aught I wait, aught I regret?..

No, there's naught I wait, and, naught regretting,
Think not of the past — 'tis buried deep.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;

Ah, to find true freedom, true forgetting
In the calm of everlasting sleep!

Yet I dread the cold and clammy fingers
And the leaden, icy sleep of death.
Would that life within me dormant lingered
And I felt its warm and balmy breath;

Would that love's own voice, my ear caressing,
Night and day sang dulcet songs to me,
And an ancient oak, my slumber blessing,
Swayed above my head eternally.

1841

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Fyodor Tyutchev

SPRING STORM

I love a storm in early May
When springtime's boisterous, firstborn thunder
Over the sky will gaily wander
And growl and roar as though in play.

A peal, another — gleeful, cheering...
Rain, raindust... On the trees, behold!—
The drops hang, each a long pearl earring;
Bright sunshine paints the thin threads gold.

A stream downhill goes rushing reckless,
And in the woods the birds rejoice.
Din. Clamour. Noise. All nature echoes
The thunder's youthful, merry voice.

You'll say: 'Tis laughing, carefree Hebe —
She fed her father's eagle, and
The Storm Cup brimming with a seething
And bubbling wine dropped from her hand.

1828

A VISION

There is an hour at night full of an awesome wonder,
When universal silence o'er the whole world lies
And when the cosmic chariot rolls, wakening no thunder,
Into the sanctuary of the skies.

The dark of chaos comes, land, sky and water merging;
Sleep Atlas-like treads earth, its weight like lead;
The gods with dreams prophetic fire the virgin
Soul of the Muse; all else is dead.

1829

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1829

* * *

Here, at a meagre earth, despondent
And listless stare the dull grey skies,
And, as if plunged in leaden slumber,
A weary nature moveless lies.

Alone the few pale birches, gleaming
Mid greyish moss and stubby brush,
Like visions born of fevered dreaming
Disrupt the lifeless, eerie hush.

1830

* * *

As is the globe embraced by ocean, so
Embraced is earthly life by dreams and fancies.
Night comes unsought, and at the shore's defences
The breakers strike blow after blow.

Their call is loud: they plead and onward urge us..
A magic boat waits in the harbour — we
Are by the tide borne off that round us surges
Into the seas' infinity.

From out the depths the sky stares, strange and boundless,
By blazing stars in all their glory lit,
And we sail on, the vastness all around us
A fathomless and fiery pit.

1830

AUTUMN EVENING

There is a wistful charm, a tenderness,
Mysterious and soft, in autumn's even:
The trees in weird and brilliant garments dress,

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит,—
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,

The gory leaves to whispered talk are given;
Above the sad and orphaned earth the skies
Lie veiled and bleak, the sun's departure mourning,
And gusty winds with sudden anger rise,
Of pending storms the grim and chilly warning...
Fatigue, decline, and — over all — the worn
And wasting spirit's smile, doomed soon to vanish,
That lights a sufferer's face and that is born
Of modesty, the godlike pride of anguish.

1830

SILENTIUM!

Seal thou thy lips, to none impart
The secret dreams that fill thy heart.
Within it let them blaze and die
As do the silent stars on high
When o'er the earth night's shadows stray...
Delight in them — and silent stay.

Thy sentiments to none confide;
From those about thee thy thoughts hide,
For when voiced what are they but lies!..
Churn up a stream, and silt will rise
And darken it... Drink, drink thou deep
Of waters clear — and silent keep.

Live in the world of self — thy soul
Of magic thoughts contains a whole
Bright universe... Let not the noise
And light of day dispel the joys
That meditation gives to thee...
Hear thy heart's song — and silent be!

1830

Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможение — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

SILENTIUM!¹

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи,—
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

1830

¹ Молчание! (лат.)

* * *

Why moan, why wail you, wind of night,
With such despair, such frenzied madness?
Why is your voice now full of might,
Now piteous and tinged with sadness?
In tongue known to the heart, of pain
Unknown to it for ever chanting,
At times within it well-nigh frantic
Sounds you awaken and insane.

Sing not, O wind, your fearful song
Of chaos, for the hungry spirit,
Into night's world of shadows flung,
Exults in it and strains to hear it.
The bounds of mortal flesh 'twould fly
And merge with boundless ocean sweeping.
Take heed! Let slumbering tempests lie:
Beneath them chaos stirs unsleeping.

1836

* * *

Elysium of shades this soul of mine,
Shades silent, luminous, and wholly severed
From this tempestuous age, these restless times,
Their joys and griefs, their aims and their endeavours.

Speak, O my soul, Elysium of shades!
What bonds have you with life? Speak, phantoms summoned
From out a day whose very memory fades —
What have you with this heartless mob in common?

1832

* * *

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

1836

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

1832

* * *

My love for you, sweet Earth, my mother,
I cannot hide — I do not crave
The phantom pleasures of that other,
That spectral world beyond the grave.
O spring, the blessedness of Eden
Compared to yours as nothing is!
Love's joys you bring us all unbidden,
And golden dreams, and light, and bliss.

What rapture to drink in the balmy,
Warm air of spring, to languor wed,
And watch the clouds drift slowly, calmly
High in the blueness overhead;
To wander happily and idly
Across a field and past a stream,
To catch the scent of blooming lilac
Or chance upon a radiant dream!..

1836

* * *

The earth a cheerless look still wears,
But spring's breath is already swaying
The dead stalks in the field and playing
With boughs as yet of leafage bare.
Though nature sleeps, through its dull slumber,
Through dreams that slowly fade away,
It hears spring's airy step and gay,
And, happy, smiles at the newcomer...

O soul, my soul, you slumbered too...
What is it that, your sleep disturbing,
Fills you with warmth and tender yearning
And gilds your tarnished dreams anew?

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И, ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух сирени
Или на светлую мечту...

1836

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..

The thawing snows lie sparkling under
The sparkling sky: no clouds above.
My hot blood plays... Is it the languor
Of springtime or — a woman's love?..

1836

* * *

It's there, still there, a past love's madness,
Dull pain and longing my heart fill.
Your image, hid amid the shadows
Of memory, lives in me still.
I think of it with endless yearning,
'Tis e'er with me though from me far,
Unreachable, unchanged, bright-burning
As in the sky of night a star...

1848

* * *

When life is but a round of crushing care
And, a great heap of stones, lies heavy on us,
There suddenly, God knows how, why, upon us
A joyous mood descends... Of balmy air
A breath comes from the past and, o'er us drifting,
Invades the heart, its fearful burden lifting.

At times with autumn's coming is it so,
When empty lie the fields, when bare the groves are,
And paler turn the skies — and of a sudden, over
The darkened earth a damp wind starts to blow.
A fallen leaf it chases with elation
And to our hearts of spring brings a sensation.

1849

Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то негa?..
Или то женская любовь?..

1836

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней грудa,
Лежит на нас,— вдруг, знает бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так, иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

1849

* * *

Say not he loves me as before, as truly, dearly
As once he did... Oh no! My life
He would destroy, he does destroy — though see I clearly
The trembling of the hand that holds the knife.

Resentment, anger, tears, a pain now fierce, now muffled —
I'm wounded, stung, and yet I love... He is "
All of my life, but I... I do not live — I suffer...
How bitter is existence such as this!

As to a mortal foe, in dozes scant and meagre
The air I breathe he measures out... Each breath
I take is painful, yet... I breathe, for fresh air eager...
But life ... life slowly ebbs... I cannot ward off death.

1852

* * *

Reproach me not e'en if I earn your indignation;
Know: of us two you are to be more envied far.
Unlike my love for you, yours is sincere, unmarred
By jealousy's mistrust, its rancour and vexation.

A wretched sorcerer, who doubts himself and stifles
Faith in the magic world by his own efforts wrought,
I know myself to be... I am — O bitter thought!—
Of your warm, living soul the idol cold and lifeless.

1852

* * *

There is a spell in autumn early,
One all too brief, of an enchantment rare:
The nights are radiant and pearly,
The days, pellucid, crystal-clear.

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1852

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1852

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Where played the sickle and fell the corn, a mellow,
A warm and breathless stillness reigns supreme;
Spanning the brown and idle furrow,
A dainty thread of cobweb gleams.

The birds have flown, we hear no more their clamour,
But winter's angry winds not soon will start to blow —
Upon the empty fields there pours the azure glow
Of skies that have not lost the warmth of summer.

1857

* * *

I love the Tsarskoselsky Gardens
Late in the fall when, in soft haze
Enfolded, as in sleep's embrace
They lie... The cold's breath slowly hardens,
And on the dull glass of the lake,
Clad in that same fine haze, white-winged
And strangely languid visions linger
And seem bemused, but half-awake.

The skies are grey, by not a star lit...
The evening's shadows onward press
And softly lick the steps dark scarlet
Of Catherine's lofty palaces.
Then dark the gardens grow and dreamy,
The stars appear and turn a dome,
Outlined by them, into a gleam of
A golden past, its symbol lone...

1858

* * *

The glare! The heat! O Nice, you blind me!
A dull unease upon me settles...
Life, like a bird shot down, strains wildly

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

1857

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят —
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

1858

* * *

О, этот юг! о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,

To fly — In vain! Its wings are fetters,
Its broken wings... As in a fever
It struggles on, yet is it vanquished:
Pressed to the dust it lies and shivers
In fear and impotence and anguish...

1864

* * *

All day she quiet lay, lost in a trance,
The closing shadows all of her embracing...
The madcap rain of summer frisked and pranced,
At leaves it drummed, down garden paths went racing.

And slowly, slowly she revived and sought
To hear its voice, its warm and merry patter.
Withdrawn she lay, plunged deep in conscious thought,
And listened to the rushing, singing water.

Then suddenly she sighed and spoke; I heard...
(I was alive, alive through force of habit)
The softly whispered, simple, broken words:
“O how I loved it all, O how I loved it!”

You loved... To love so well none ever durst...
Then, even such love fades, to be it ceases...
To watch you die, and live! How did my heart not burst,
Not break, O God, into a thousand pieces!

1864

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis

How tuneful is the voice of sea,
What true accord in ocean's murmur,
And in the reed's light, rhythmic tremour
What tender musicality!

Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

1864

* * *

Весь день она лежала в забытии,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

.

Любила ты, и так, как ты любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

In nature all is harmony,
A consonance fore'er agreed on,
And 'tis alone our phantom freedom
That is disturbingly off-key.

Whence comes this breach? How to explain
Why with the sea its song sonorous
The soul declines to sing in chorus?
Why does the thinking reed complain?

1865

* * *

Glum is the sky, by night imprisoned,
As over it the dark clouds creep,
Not menacing or wistful is it,
But plunged in dreary, torpid sleep.
Alone the streaks of lightning, bursting
Through cloud and shadow, seem to be,
As they flare up and blaze, conversing
Like deaf-mute demons soundlessly.

As at a signal, for an instant
A strip of sky is lit, and lo! —
From out the murk the forests distant
Emerge, set suddenly aglow.
But the light dies, the darkness fleeing
That cloaks the startled, wakeful sky,
And all is still... Is a plot being
Hatched in the silent wastes on high?..

1865

TO K. B.

You're here again — and of a sudden
A warmth long gone floods my dead heart,
And all I thought forgot, unbidden
Returns, of me becomes a part.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,—
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

1865

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Just as spring's breath may soft come stealing
Upon the air on late fall's day
And rouse in us a vanished feeling
Of life, of something young and gay —

So of past years do I recover
The richness, and on your sweet face
With all the ardour of a lover
In reawakened rapture gaze.

Too long apart, drawn are we nearer
Once more — you're here, 'tis not a dream!
Sounds, ne'er within me stilled, the clearer
At sight of you and louder seem.

Remembrance?—No! The rustling pages
Of life turn fast — life's full again.
Your loveliness stays ever changeless,
My love for you unchanged remains.

1870

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любви!..

1870

Ivan Bunin

* * *

As in a boundless sea in darkening fields and meadows
The sunset's tristful rays fade and then sink from sight,
And in mute twilight's wake, over the steppe the shadows
Creep swiftly, bringing night.

Soft sound the gophers' calls, and, ne'er the stillness waking,
Jerboas now appear — two or perhaps just one.
They ghost-like haunt the plain, great leaps across it taking,
And all at once are gone...

1887

* * *

No birds in sight. The forest withers slowly,
Resigned to utter emptiness and chill.
No mushrooms, but there comes from out a gully
Of mushroom damp the strong and tangy smell.

The scrub is lighter and less tall, the greying
Grass near the bushes droops, seems trampled down;
Beneath the autumn rain the leaves, decaying,
In mouldy heaps lie of a darkish brown.

But in the fields the wind is fresh and biting.
I lead my stallion out and ride from home,
And, in the freedom of the steppe delighting,
Far from the villages till nightfall roam.

Lulled by my mount's slow, easy pace, I listen
With joy-tinged, quiet sadness to the hum
Of wind as it invades with singsong whistle
And drawn-out moan the barrels of my gun.

1889

* * *

В темнеющих полях, как в безграничном море,
Померк и потонул зари печальный свет —
И мягко мрак ночной плывет в степном просторе
Немой заре вослед.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по меже тушкан, таинственно, как дух,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадает вдруг...

1887

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном монотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

THE PLEIADES

It's dark. Not caring where I go, which path I follow,
Past sleepy ponds I stroll.
Of autumn freshness, leaves and fruit the fragrance mellow
Drifts over all.

The garden's almost bare, and through the branches whitely
The stars of evening show.
Dead silence reigns. Murk clothes the paths. It's nighttime.
My steps are slow.

They're slow, but wake the hush... High in the sky's cool
darkness,
A princely diadem,
The icy Pleiades blaze diamond-like and sparkle,
Each one a gem.

1898

IN AN ESTUARY

**A crackling fire. Light, heat in the felucca.
Pikes in the water. Pearl-white sand below.
The trident now! You'll get one if you're lucky.
Go slow, don't rush. A blow! Another blow!**

A nightmare passion. Horror mixed with bliss.
Blood, writhing fish... Before it makes you sicker
You'd better stop. Come, douse the flames. Move quicker.
Push it all overboard!.. Smoke. Steam. A hiss.

The air feels light and cool. The shadows deepen.
Dim stars appear and flicker in the sky.
The boat rocks on the waves. The fish are sleeping.
Stretched on the stern, flat on my back I lie.

The oarlocks knock — how soft the sound and cheery!
A night at sea is never dull or dreary.

1905

ПЛЕЯДЫ

Стемнело. Вдоль аллей, над сонными прудами,
3 Бреду я наугад.
Осенней свежестью, листвою и плодами
 Благоухает сад.

Давно он поредел,— и звездное сиянье
 Белеет меж ветвей.
Иду я медленно,— и мертвое молчанье
 Царит во тьме аллей.

И звонок каждый шаг среди ночной прохлады.
И царственным гербом
Горят холодные алмазные Плеяды
 В безмолвии ночном.

1898

С ОСТРОГОЙ

Костер трещит. В фелюке свет и жар.
В воде стоят и серебруются шуки,
Белеет дно... Бери трезубец в руки
И не спеши. Удар! Еще удар!

Но поздно. Страсть — как сладостный кошмар,
Но сил уж нет, противны кровь и муки...
Гаси, гаси — вали с борта фелюки
Костер в Лиман... И чад, и дым, и пар!

Теперь легко, прохладно. Выступают
Туманные созвездья в полутьме.
Волна качает, рыбы засыпают...
И вверх лицом ложусь я на корме.

Плыть — до зари, но в море путь не скучен.
Я задремлю под ровный стук уключин.

1905

THE STONE IDOL

Dead grasses parched by heat. The steppeland, seared,
Runs on and merges with the sky's pale reaches.
Here is a horse's sun-bleached skull, and here
An idol with its flat, stone features.

How somnolent this face, how roughly hewn
This crude and massive torso! With a sense of
Half-conscious fear I meet its vapid grin,
So timid, so defenseless.

O thing of darkness born! A deity
Were you not once, revered and venerated?
It was not God that made us. It was we
That slavishly the gods created.

1906

ISTANBUL

Starved, mangy dogs with mournful, pleading eyes,
Descendants of the ones that in a bygone
Age from the steppeland came, and, stung by flies,
Dragged in the wake of dusty, creaking wagons.

The conqueror was rich and powerful,
And with his hordes, proud city, he invaded
Your palaces, and named you Istanbul,
And then sought rest, a lion gorged and sated.

But faster move the days than birds in flight!
Black loom the trees in Scutari; unnumbered
The tombs they shade, their marble shapes as white
As bones bleached by the rays of many summers.

Upon the dust of shrines and temples falls
The dust of ages, and the plaintive howling

КАМЕННАЯ БАБА

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синее слабо.
Вот остров лошадиной головы.
Вот снова — Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О, дикое исчадь древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
— Не бог, не бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

1906

СТАМБУЛ

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,

Of dogs the gloom of desert sands recalls
Beneath Byzantium's walls and arches crumbling.

Bare the Serail, its glory spent and past,
Its trees, now dry, bent low in desolation...
O Istanbul! Dead nomad camp, the last
Great relic of a last and great migration!

1905

A FAREWELL

Blasting the malachites beneath the rudder,
The seething sea spews pearly blobs of foam.
The shore sails nearer as we move from under
The ship's smooth, towering shape and make for home.

The pier is empty. Pigeons coo and chatter
And peck at corn and scraps of food... At sea,
The ship's stern sways, the bowsprit draws a pattern
Upon the dimming sky's dark canopy.

Where now? March. Dusk. In port, the church bells ringing.
Of spring and sadness full this soul of mine.
Lights at the inn... No, home I'll go, I'm thinking!
For I am drunk — drunk though I've touched no wine.

1907

THE FISHERWOMAN

"Who knocks? I won't get up. I will not open
The spray-soaked door of this old hut. How chill
And how uneasy are the nights of autumn!
And yet its dawns are more uneasy still."

"Is it the wind's moan as it louder grows
That scares you or, perhaps, the rasping sound

И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

1905

ПРОВОДЫ

Забил буграми жемчуг, заклубился,
Взрывая малахиты под рулем.
Земля плывет. Отходит, отделился
Высокий борт. И мы назад плывем.

Мол опустел. На сор и зерна жита,
Свистя, слетелись голуби. А там
Дрожит корма, и длинный жезл бугшприта
Отходит и чертит по небесам.

Куда теперь? Март, сумерки... К вечерне
Звонят в порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вон огонек в таверне...
Но нет, домой. Я пьян и без вина.

1907

РЫБАЧКА

— Кто там стучит? Не встану. Не открою
Намокшей двери в хижине моей.
Тревожна ночь осеннею порою —
Рассвет еще тревожней и шумней.

— «Тебя пугает гул среди камней
И скрежет мелкой гальки под горою?»

Of pebbles by the waves rolled round and round?"
"No, I'm unwell, and there's a draft, it blows."

"I'll wait until the storm-drunk waves are sober,
Till they are quelled, and through the window pane
And down on to the bench there streams again
The pallid, tarnished gold of mid-October."

"Begone! Another spent the night with me.
He's bold and does not fear the wind and sea."

1908

THE ARCHIPELAGO

Like copper shone the autumn day. Poseidon
And Aeolus moaned softly, mournfully.
Huge, surging, lilac waves rose on the sea.
Our ship dove fish-like in and out among them.

The cape lay far ahead, and high upon it
Now and again a row of columns showed.
The gods' song made me nod. Our vessel rode
The lilac waves and climbed each snowy summit.

The Sun-god's temple!.. Yet this was as naught.
Alone the sky and those white columns gracious,
A row of them, remained etched on my senses.

The hills in smoke-like rings of cloud were caught.
The cape looked like a loaf of bread. In fancies
And dreams I lived. The gods myself I wrought.

1908

— Нет, я больна. И свежестью сырою
По одеялу дует из сеней.

— «Я буду ждать, когда уgomонится
От бури охмелевшая волна
И станет блеклым золотом струиться
Осенний день на лавку из окна».

— Уйди! Я ночевала не одна.
Он был смелей. Он моря не боится.

1908

В АРХИПЕЛАГЕ

Осенний день в лиловой крупной зыби
Блистал, как медь. Эол и Посейдон
Вели в снастях певучий долгий стон,
И наш корабль нырял подобно рыбе.

Вдали был мыс. Высоко на изгибе,
Сквозя, вставал неровный ряд колонн.
Но песня рей меня клонила в сон —
Корабль нырял в лиловой крупной зыби.

Не все ль равно, что это старый храм,
Что на мысу — забытый портик Феба!
Запомнил я лишь ряд колонн да небо.

Дым облаков курился по горам,
Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба.
Я жил во сне. Богов творил я сам.

1908

THE BEDOUIN

The Dead Sea, and, beyond, the greyish, broken
Line of the hills. Noon. Mealtime. Deft of hand,
He bathes his mare, then sits a hookah smoking
On Jordan's shore. Like molten bronze the sand.

The Dead Sea, and, beyond, in space suspended,
Mirages swimming in a golden haze.
Light. Warmth. A wild dove coos. The oleander
And storksbill with the reds of springtime blaze.

He sits, a hooded hawk, and smokes, and raises
His voice in song, and, droning sleepily,
The tamarisk and oleander praises.

Bard, robber, nomad tribesman, glad is he
To coils of smoke in simple verse and flowing
The peaks to liken beyond Siddim showing!

1908

THE DOG

Dream on! Your golden eyes turn narrower
And duller as you watch the snowflakes clinging
To window frames, and hear the blizzard singing
Out in the yard where poplars groan, astir.

Curled at my feet for warmth, now and again
You sigh, and think... We too — what use denying! —
Consumed with longing, thirst for other plains,
For other wastes, beyond the Perm hills lying.

A wilderness, and, over it, a pall
Of ice and snow, the tundra's skies unseeing —
Strange is to me the home that you recall.

БЕДУИН

За Мертвым морем — пепельные грани
Чуть видных гор. Полдневный час, обед.
Он выкупал кобылу в Иордане
И сел курить. Песок как медь нагрет.

За Мертвым морем, в солнечном тумане,
Течет мираж. В долине — зной и свет,
Воркует дикий голубь. На герани,
На олеандрах — вешний алый цвет.

И он дремотно поет, воспевая
Зной, олеандр, герань и тамарикс.
Сидит, как ястреб. Пегая абая.

Сползает с плеч... Поэт, разбойник, гикс.
Вон закурил — и рад, что с тонким дымом
Сравнит в стихах вершины за Сиддимом.

1908

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Yet your thoughts are my own: a human being,
Like God I'm doomed the misery and woe
Of every land and of all times to know.

1909

MIDNIGHT

November. Midnight damp. Chalk-white beneath
The moon the village lies, by the oppressive
Hush overcome. The tide sweeps in, impassive,
Its voice all deep solemnity and breadth.

The port flag, soaked, droops on its slender mast.
Just o'er the mast, above the mass of hazy
Clouds torn in parts and running swiftly east,
The disc of moon glides, strangely white and glassy.

I reach the steps. Mysterious the light
And duller here, the tide's voice fiercer, louder.
The bathhouse piles, defenseless, heave and shudder.

Far out — a grey abyss. No sea in sight.
Below, amid the foam that seethes and hisses,
Like seals wet by the surf the boulders glisten.

1909

* * *

The camel snorts. He won't get up.
His grumbling flanks are heaving. Give him
A kick!.. The criers' calls atop
The mosques dawn's sleepy streets enliven.

Pearl-grey, Stambul shows from afar.
Mist clothes the strait, its blue waves veiling.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

1909

ПОЛНОЧЬ

Ноябрь, сырая полночь. Городок,
Весь меловой, весь бледный под луною,
Подавлен безответной тишиною.
Приливный шум торжественно-широк.

На мачте коменданта флаг намок.
Вверху, над самой мачтой, над сквозною
И мутной мглой, бегущей на восток,
Скользит луна зеркальной белизною.

Иду к обрывам. Шум грознее. Свет
Таинственной, тусклее и печальней.
Волна качает сваи под купальной.

Вдали — седая бездна. Моря нет.
И валуны, в шипящей серой пене,
Блестят внизу, как спящие тюлени.

1909

* * *

Шипит и не встает верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поют
В рассвете алом муэдзины.

Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,

Into the Sea of Marmora,
Through haze and smoke the ships are sailing.

The smoke, white orchards, drifts from you,
And, though it has imbibed the chill of
Sea water, smells of summer dew,
Of dung, of honey and vanilla.

A Greek a great red samovar
Bears from his teahouse; sheep are taken
Across the square to the bazaar;
Two beggars, stretched nearby, awaken.

Time to move off, go east, toward
A land where morning burns and blazes
And where across the sun-parched sward
A bird's small, slanting shadow races.

1912

CIRCE

On a tripod the goddess sits, gazing
At herself in a mirror propped close:
Red-gold tresses, a perfect Greek nose,
Sea-green eyes like twin emeralds blazing.

Pink her cheeks are and powdered her face.
Like two drops of celestial nectar,
In the bronze disc their sparkle reflected,
Playful earrings her loveliness grace.

Says Ulysses: "O Circe, believe me,
You are splendid! That stray lock of hair,
That white hand, that smooth elbow, that fair,
Gracious neckline — enchanted they leave me!"

В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью.

Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном,
Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом:

Пора идти, глядеть весь день
На зной и блеск, и все к востоку,
Где только птиц косая тень
Бежит по выжженному дроку.

1912

ЦИРЦЕЯ

На треножник богиня садится:
Бледно-рыжее золото кос,
Зелень глаз и аттический нос —
В медном зеркале все отразится.

Тонко бархатом риса покрыт
Нежный лик, розовато-телесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещут серьги, скользя вдоль ланит.

И Улисс говорит: «О, Цирцея!
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сияющий локоть, и шея!»

Circe smiles: "As a matter of fact,
It's my shoulders I'm proud of, and also
Of the orangy down that runs oh, so
Lightly, airily straight down my back!"

1916

YOUTH

A whip cracks in the wood, and cattle low
And through the underbrush are heard to
Crash heavily. Leaves rustle. Snowdrops show
Their blue heads here and there. A sudden, furtive

Wind starts to blow, and ashen clouds are swept
Across the skies, a cool, fresh rain presaging...
The heart grieves and is glad that life is, strangely,
Vast like the steppe and empty like the steppe.

1916

THE LAST BUMBLEBEE

Sewn with gold is your sable-black jerkin of velvet,
Loud your hum as you boldly fly into my room.
Why, O bumblebee, drone you so mournfully, tell me?
Would you share my dejection and gloom?

Blazing sunshine streams in. But already more mellow
Are the days, though the skies their bright blueness still keep.
Fly about, hum your fill — on the hard, pale-red pillow
Of a thistle go soundly to sleep.

You don't think as do we, you don't know of the boldly
Rising winds that are scouring the now empty lea
Or that onto the grass they'll soon sweep the still golden
But by then dead and dried bumblebee.

1916

А богиня с улыбкой: «Улисс!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком апельсинным меж ними,
По спине убегающим вниз!»

МОЛОДОСТЬ

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.

И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.

1916

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человечесь
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

1916

* * *

Warmth and light, buzzing bumblebees, wheat ears and grasses,
Azure skies — of high summer the birth...
To his prodigal son will the Lord say: “Confess, pray —
Have you known true contentment on earth?”

And forgetting all else save the golden and endless
Fields of wheat, the serenity and peace,
I will weep, and, my words choked by sweet tears of gladness,
Thankful fall at those merciful knees.

1918

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не сумею ответить,
К милосердным коленям припав.

1918

Alexander Blok

DELUSION

An empty alley. Swift streamlets running...
“It’s spring!” they mutter. A girl shrieks with laughter.
A drunken red dwarf dances up. That’s funny!
He won’t let her pass. What’s the old thing after?

The girl’s in a fright. Pulls her kerchief tighter.
The sun’s behind a chimney. The dwarf, a red ball,
Jumps into a puddle. With wrinkled hand, lightly
He plays with the water. It’s evenfall.

Reflections beckon. The girl feels chilly.
A street lamp winks afar off... Oh, look!—
The red sun has sunk behind a building.
Wild laughter. Splashes. Factory smoke.

Sounds, indistinct ones, floating nearer...
An old man coughs... Water drips... A pair
Of dilated eyes with no pupils in them.
Two cold, lifeless hands clutching the air.

.

A shapeless wet bundle — Wretched! Homeless!—
She lies by a fence in the scary dark.
Don’t let the night end!.. Her weeping is toneless.
A disgrace to return with the devil’s mark.

Overtured tubs. In the streamlets merrily
The blueness dances. It’s morning anew.
Red chevaux-de-frise. Soldiers cheerily
Splashing through the water: left, right! one, two!

The girl lies asleep by the fence. A hairy
Head with a mutter bends over her. Boo!
The ugly old dwarf is busy, very:
He’s sailing shoes in the stream: one, two!

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отражение.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

The shoes spin along, but are soon overtaken
By a red cap. See it? There it floats.
Wild laughter. Splashes. In the cap's wake come
A beard, a dog's ears, and a red tail coat.

They rush past. What's the water murmuring?
The girl slowly wakes, in her eyes red-blue rings.
Sun beams playing, water shimmering.
Streams, sprays and spurts of it. Spring. Spring. Spring.

1904

* * *

And I lie wordless at the feet
Of her who is my heart's desire,
My secret love; a whitewinged fire
Swift storms across the threshold sweep...

What pain, what sweet delight, what bliss
To speak your tender name, to kiss
Your train by stealth, near you to linger
While blizzards sing, while loudly sing they!..

In its dark prison cell benighted,
The heart in drunken rapture reels.
Cold, snowy blooms your lashes lightly,
Your peaceful, silk-soft lashes seal.

Like one by wild winds overpowered
That as he runs begin to blow,
I seem to see a lifeless flower
Before me rise from out the snow...

And oft, however sadly, gently,
The name of my Snow Maiden slips
Like soft snow from a frozen petal
In secret from my trembling lips.

1907

Башмаки, крутятся, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись,— и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

1904

* * *

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

1907

And I... I spent a year of madness
At her black skirts. For all the days
Of torment and of piercing sadness
I was rewarded by her gaze,
A breath of dark blue thunder, and
The gentle touch of her small hand.

I looked at her, and my eyes ringed were
With blue. She called me her sad friend,
And her dreams told me, and I lingered
Beside her... Evenings without end,
Long, dark... Outside, with mournful sound
The wind whirled. Round it went and round.

She put aside her spinning dumbly,
And past the third watch now passed my
Unhappy passion. Her hair I
Began to kiss — and down it tumbled,
And into my heart her adored,
Her dark voice slowly, slowly poured.

Whole nights and days I spend beside her,
At her silk train, in that numb hall.
The fire goes out... The wind's back riding,
The dancing snowflakes start to fall,
I see them through the pane... And lo!—
She rises, she's about to go.

She ties her black silk kerchief tightly,
Gives me a lingering caress —
Her lips my lips with fervour press,
And, hinting at a meeting lightly,
Walks briskly off. In her bright eye
I see the sparks turn dim and die.

The sound of footsteps fast retreating...
The glass door jangles down below,
And from the fireplace comes the low

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом,
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот,
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку

Rustling of dying coals... With beating
Heart I rush after her... It's dark
And frosty in the silent park.

Night sighs. The snowy flower-beds rounding,
She walks ahead, still firm of stride,
Now nearer comes, now darts aside,
Her footsteps in the distance sounding.
Resplendent in its wintry dress,
The city sleeps, all peacefulness...

No noise save for those steps that echo
In the cold air. Though faint the light,
My lovely snake I see in flight.
She crawls from lamp to lamp. A second,
And there she is! Behind her trails
Her silken train, a comet's tail...

I near her, and, with ardour flaming,
Speak tender words. Lit am I by
Fierce fires my whole spirit claiming.
My head swims as before her I,
A wild beast, stand... A door yawns, then
Is shut, swung open, shut again.

Night, dark night looms ahead like some
Deep chasm. Into it we boldly
Step, then climb up. Delirium.
Great shining eyes. Onto her shoulders
Her hair flows, leaden, robbed of light...
O night of union, tortured night!

Revolt of moments. Dazzling dream.
Embraces offered madly, vainly.
Outside, throng hosts of angels. Faintly
The early dawn shows. Its pale gleam
Steals in... Yet is the night not spent:
It's with us — drunken, violent.

Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звонят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь,—

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий,—
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Yes, night is with us! Daytime's night
Envelops us — we're in its power.
Day, day is meant to die, by our
Consuming passion put to flight.
Night's with us: over us it rings
And beats its nervous, trembling wings...

It's dusk again...

1907

FAINA'S SONG

When with a serpent's narrow eyes
Into your eyes I gaze, when I
Your hand press gently, know:

I am all serpent. Yes, it's true,
I loved you once, but now of you
I'm free and glad it's so!

Away! Away! Out of my sight!
I'll with another spend the night.
Back to your good wife haste!

The solace of her wifely love
She'll offer you. Go hence or of
My dancing whip you'll taste!

Like fiery spring, like spring I blaze!
To cinders all who meet my gaze
Will burn. Take care! Take care!

Yes, even he I love must fly
My presence, for he too will die
If he should venture near.

You who are young, you who are old,
Come, bring me gifts and coins of gold,
Heed this my summons, pray.

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас,—
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет
Приди на звонкий клич!

Over your grizzly heads and fair,
Your foolish heads, my whip with rare
Delight will dance and play!

1907

* * *

All thought of prowess, valiant deeds and fame
Would leave me on this suffering earth when on
Your lovely face I gazed that glowed and shone
Before me in its simple wooden frame.

But your fate to another you surrendered,
You left, and I... I flung into the night
The cherished ring... Between us all was ended...
Your dear face dimmed and faded from my sight.

The days, cursed swarm, whirled onward, from me fleeing;
I was consumed by passion, numbed by wine...
Once, in my thoughts, in church I seemed to see you,
And called: "Where are you, long lost youth of mine?.."

I called — you never turned; I wept, a deadly
Weight on my heart — you did not see or care.
A blue cloak you threw on and stepped out sadly
Into the waiting night, by rain made drear.

Have you, my dear one, tender one, found solace,
And shelter for your pride?.. My eyes closed tight,
I dream of your blue cloak, remembered always,
In which you walked away into the night.

For ever gone my dreams of fame and passion;
All's in the past — youth, love... They've had their day...
Your picture in its frame, one simply fashioned,
With my own hand I put far, far away.

1908

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

1907

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо,
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

1908

Cruel May!.. The northern nights are sleepless...
 At the gate a rap: come, rise from bed!
 Blue the haze behind me creeping softly,
 The unknown... and death, and death ahead.
 Wild-eyed women at the world stare fiercely;
 Crushed, a rose hangs limp above the breast.
 Wake! With sharp-edged daggers stab and pierce me,
 From my passions free me, let me rest!

It is good to join the dancers moving
 In a fiery ring around the lea,
 Drink young wine, plait garlands, share a secret
 With your pretty partner laughingly;
 Good to shower with blooms another's sweetheart
 And be drunk with passion, joy and pain,—
 But it's better still to plough a furrow
 And to tread the pearly dew of dawn!

KULIKOVO FIELD

The river licks the banks. Wide spreads it, wide and deep.
 Slowly it flows, and see —
 Out in the steppe, over the yellow steep
 The stacks rise mournfully.

O Russia mine! My wife! Where leads our way we know,
 The pain of knowing fierce.
 Our way, an arrow flying from a Tatar bow,
 Our breast has pierced.

Our way lies through the steppe, through sadness without bound,
 Your sadness, Russ, your tears.
 The haze of night, the haze of the beyond
 I do not fear.

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди!—
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти,—
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

1908

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

We'll get there and with flame will set aglow
The steppe, by night concealed.
Our sacred banner and of khans the steel
Will through the thick smoke show.

We only dream of calm. The battle's never done.
Through dust and blood,
Eternally the steppeland mare flies on,
Trampling the sod.

The miles and hills flash past. Stop! Stop! But no.
No end in sight.
A gory sunset. Clouds, row upon row,
Grey-faced with fright.

The sunset and the heart astream with blood.
No calm, not anywhere.
Weep, heart! Weep loud! Past field, past wood
Gallops the steppeland mare.

1908

RAVENNA

All things ephemeral, fast-fading
In time's dark vaults, hid by you, lie.
A babe, you sleep, Ravenna, cradled
By slumberous eternity.

Through Rome's old gates the slaves no longer,
Bright slabs of marble bearing, pass.
The gilt looks charred, seems but to smoulder,
Not flame in the basilicas.

The moisture's indolent caresses
Have smoothed the stone of tombs where green
With age the coffins of the blessed,
Of holy monks stand and of queens.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

1908

РАВЕННА

Все, что минутно, все, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

The silent crypts, by all forsaken,
Cold shades invite that o'er them roam
So that the gaze of Galla, wakened,
Might not burn through the mass of stone.

The bloody trace of war's dark horrors
Has been forgot and wiped away
So that she might not sing the sorrows
And passions of a bygone day.

The sea's withdrawn, and o'er the ramparts
The roses climb and form a screen
So that Theodoric might never
Awake or of life's tempests dream.

A realm of death. Men, vineyards, houses
Are all as sepulchres. Alone
The brass of Latin, ageless, rousing,
Blares like a trumpet on the stones.

But in the gaze intent and peaceful
Of the Ravenna girls the sea
Is glimpsed at times, reminder wistful
Of something that no more will be.

And deep at night, the ages counting,
Those meant to come by fate's decree,
The eagle-profiled shade of Dante
Of Vita Nuova sings to me.

1909

THE GIRL FROM SPOLETO

Slender are you as a candle. Your eyes are
Swords that pierce mine. No, my sweet, you mistake:
I do not long for a tryst and its wonders —
Just let me burn like a monk at the stake!

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робко чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Your love? Oh, no!— I don't seek it. Nor dare I
Offer unwanted caresses. Apart
From you I stand like a painter and watch you —
Watch you, and love you with all of my heart!

Goaded by wind, burnt by sun — ah, Maria,
Ever in flight, something not to be gained...
Let me but see the winged cherub above you,
Let me but taste of love's exquisite pain!

Into your dark, silken tresses the brilliants
Of secret verses in silence I twine;
Into your eyes, pools of luminous darkness,
Greedily cast this enslaved heart of mine!

1909

* * *

To Yevgeny Ivanov

The gondolas are coffins. Chilled by
The winds that blow from the lagoon,
Young, sick, beside the lion's pillar
I lie. Around me all is gloom.

The chant of iron. Booming tones.
The giants midnight striking. His
Rich, lace-like iconostasis
St Mark in moonlit waters drowns.

Past galleries in shadow buried
Salome steals — how soft her tread!..
The moonbeams fall on her: she carries
A platter with my bloody head.

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы,— и люблю!

Мимо, все мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

1909

* * *

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнею чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлерей,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Canals, men, palaces lie sleeping.
Alone the shade wings noiseless by,
And — see! — the head, as darkness deepens,
To pierce it tries with mournful eye.

1909

IN A RESTAURANT

I shall never forget (was it real or fancied,
That far evening?) the yellowish light
Of a sky scorched and riven by flame and, against it,
Rows of streetlamps already alight.

It was crowded. The bows scraped the strings, and, lamenting
Love's swift passing, spoke sadly to me.
By the window I sat, and a black rose I sent you
In a glass of sky-golden *ayi*.

You glanced at me. I bowed, and, your gaze meeting boldly,
To conceal my embarrassment strove.
To your escort you turned, saying pointedly, coldly:
"Who'd have thought it! He too is in love."

And the strings in reply now burst forth, and their singing
Was both savagely frenzied and gay...
But for all of your scorn you were with me: your fingers
Trembled slightly and gave you away.

Darting up like a great startled bird, you winged past me
And seemed light as a thing in a dream...
Drooping lashes, a faint breath of perfume, the restless
Swhish and whisper of silk, and its sheen.

But from out of the mirrors at me you threw glances,
Shouting "Catch!" as you moved swiftly on,
And the Gypsy, her beads jingling, never stopped dancing
And shrilled loudly of love to the dawn.

1910

Все спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

1909

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы.
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!...»
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

1910

THE COMMANDER'S FOOTSTEPS

To V. A. Zorgenfrei

Fog beyond the dim, benighted window.
Heavy hangings at the door.
You have learned what fear is, Don Juan, and freedom —
You don't need your freedom any more.

Empty, cold the bedroom. Not a whisper
Can be heard. The servants doze.
From an unknown land, a far-off land and blissful,
Comes a rooster's crowing. Dawn is close.

What is rapture to a faithless being?..
Nothing!.. Life is quick to end.
Arms crossed on her breast, and dreams unearthly seeing,
Doña Anna sleeps, to silence wed.

Whose harsh features, caught by mirrors, freeze there,
In that strange, that glassy deep?
Is there sweetness, Doña Anna, is there,
In your graveyard dreams and graveyard sleep?

Life is mad, it's empty and abysmal..
Into battle, fate, let us make war!
In reply, through storm and blinding blizzard,
Comes a horn's triumphant, tender call.

With a spray of light the blackness laving,
Like an owl a motor flits, and hark!—
The Commander's steps, his footsteps heavy
Fill the empty house and dark.

Doors flung open. Wind. Those steps unhurried.
Like a clock's hoarse chimes, its midnight chimes:
"You invited me to supper. Are you
Ready? Speak! For I am here. On time."

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.

Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

Scathing, scorching question! To it only
Silence answer makes. A deep
Fear has gripped the room. A cold and lonely
Dawn steals up. The servants are asleep.

Pallid twilight. Night is waning, waning.
Night at dawn is strangely chill.
Maid of Light! Where are you, Doña Anna?
Anna! Anna!— All is still.

Grim the ghostly, greyish fog of morning.
Hear the clock's last, bitter chimes.
Doña Anna sleeps, but she is stirring.
When your hour of death comes she will rise.

1912

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, Донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1912

Anna Akhmatova

The cloud up in the wintry sky was furry,
A squirrel skin, pale grey, a trifle faded.
He said: "You know, I'm not the least bit sorry
That you will melt in March, my frail Snow Maiden."

My hands turned cold inside the muff I carried...
Confusion came and fear, my heart ceased beating.
O how to get them back — that swift-gone, airy
Love and those weeks of it, so brief, so fleeting!

Hate? No. Revenge? What for? I'll do without it.
O to be dead at winter's end and buried!
On Twelfth Night, dazed, I asked the cards about him;
I was his love for most of January.

1911

SONG OF A LAST MEETING

Though I stepped o'er the threshold lightly,
At my heart icy fingers clawed,
And the glove I wore on my right hand
On my left hand belonged, I saw.

Steps ... so many, they left me panting,
But I knew there were only three.
From the maples there came a plaintive
Whisper autumnal: "Die with me!

"I'm betrayed by my bleak, my changeful,
By my mischievous fate..." "I too!"
I replied. "O my love, my angel,
I will die, I will die with you..."

One last song, song of one last meeting...
Dark the house ... I looked up, went on.
In the bedroom window a fleeting
Yellow light impassively shone.

1911

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно — желтым огнем.

1911

* * *

A simple way of life I've learned and wise:
I watch the sky, and pray to God, and daily,
To tire distress, with promptitude unfailing
Take long, long walks before the evening dies.

When burdocks stir and sigh in the ravine
And rowans droop and bow their branches meekly,
I make up cheerful verses and serene
Of life, sweet life that passes all too quickly.

At home, the cat licks at my hand and fills
The quiet room with pleased and happy purring.
Up in the tower of the sawing mill
A single bright and steady light is burning.

A stork nests on the roof; its cry is queer
And rends the pregnant hush, deep and bewitching.
If at my door you knock, I will not hear:
The sound will die away and never reach me.

1912

* * *

I am in chains, I pine and languish,
And pray for death, for death alone,
And yet I still recall with anguish
Tver's barren soil and skies forlorn,

The run-down, ancient well, the snowy
Froth of the clouds high overhead,
The creaking gate that opens slowly,
The sadness and the smell of bread,

And those pale reaches that the roving
Wind, hushed and weak of voice, invades,
And too the glances disapproving
Of suntanned, placid wives and maids.

1913

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прореживает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу,
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

1913

EVENING

Grief inexpressible was in
The strings' untiring twang and chatter.
Fresh oysters, waiting on a platter,
Smelled pungently of salt and brine.

He said: "I am your friend." And as
He said it, touched my sleeve. How chary
Of warmth those fingers were, how very
Far was their touch from a caress.

So cats and birds are petted, eyed
So is a circus rider slender.
A smile, one gay and almost tender,
Beneath his sandy lashes hid.

Behind the screen of smoke, a burst
Of music came, the fiddles shivered:
Bless God and thank him for this tryst,
Your very first with your beloved.

1913

* * *

Each new day that comes the heart unsettles
More and more... How strong the smell of rye!
At my feet you have been laid, and that is
Where I'll have you lie.

Orioles till nighttime from the very
Tops of maples call — loud are their cries!..
Oh, what fun to drive away the merry
Wasps that circle near your green, green eyes!

Do you hear a coach-bell's far-off tinkling?
It's a sound we both, my dear one, know.
Lest you weep, a little song I'll sing you
Of a night of parting and of woe.

1913

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»—
И моего коснулся платья.
Как непохожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных,
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

1913

* * *

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

* * *

Irreparably white the page. Long hours
Spent vainly at a desk. Of warmth and Nice
Smell the mimosa's tiny, yellow flowers.
Caught by the moon's white ray, a large bird flies.

It's bedtime, and my long hair plaiting tightly —
As though it mattered!— out the window I, ..
No longer sad, my heart a little lighter,
Stare at the sea, the sandy slopes, the sky.

What power has he, one who will refrain
From asking for so much as tenderness!
I cannot lift my eyelids when my name
He speaks, and am all pain and weariness.

1913

* * *

To Alexander Blok

When I came to see the poet
It was noon. The day was Sunday.
Large the room was, large and quiet;
In the street reigned frost... The sun

Was a crimson ball. Beneath it
Shaggy, dove-grey smoke went drifting...
Silent stood my host before me:
How serene, how clear his gaze!

Such his eyes that he who sees them
Even once cannot forget them.
As for me, I would be safer
Had I met them not at all.

Вечерние часы перед столом,
Непоправимо белая страница,
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913

* * *

Александр Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье,
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожней,
В них и вовсе не глядеть.

But I will remember always
What we talked about that Sunday
In the tall grey house that towered
By the gateway to the sea.

1914

* * *

How dark is the path in the park by the sea,
How yellow the lamps are and bright!
I'm calm. Only please do not mention to me
His name, don't talk of him to-night.

You're sweet, we'll be friends, we'll take walks, you and I,
We'll kiss, and we'll age side by side.
Above us the months light as snowflakes will fly;
On, on, swiftly, smoothly they'll glide.

1914

* * *

Once having left my homeland's sacred groves
And too the house where pined the Muse of Tears,
I found a low-set isle that looked a raft
Stuck in the middle of the Neva delta
And settled to a life of cheerful quiet.
Those wintry days so full of mystery,
Work, treasured work, delicious tiredness,
And, in a china washbowl, early roses!
The snowy sidestreet was not long, but boasted
A lofty church, St. Catherine's Cathedral,
Whose altar wall rose opposite my door.
I was an early riser and would leave
The sleeping house and vainly try to find
The footprints left by me the day before
Upon the street's white shroud. Along the river
I then would slowly go, where schooners dove-like

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье,
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

1914

* * *

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

1914

* * *

Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,

Rubbed noses tenderly and waited for
Spring and the sea, its greyness specked with foam.
Then I would reach the ancient bridge and climb
The staircase of a dirty, crowded house
And reach a room no better than a cage
That perched beneath the roof. There, like a finch,
He whistled happily before his easel,
Aired grievances in merry tones, and spoke
With rueful mien of joys that never were..
The canvas was a mirror; anxious-eyed
I stared: with every passing week the portrait
Was more like me in some uncanny way
And made me sad... Where is the artist now,
Dear fellow that he was? I do not know.
His garret room was blue-walled, with a window
That led onto the roof. Above a deadly
Abyss we crept, oblivious of all
Except the snow, the Neva, and the clouds..
Bound are our Muses by a touching friendship,
Like two warmhearted girls passed by by love.

1916

* * *

The immortelle is pink, it's pink and dry.
The oak leaves are still thin and bare of colour.
The marble clouds are roughly sculptured. Summer
Lies far ahead, but spring paints blue the sky.

The rays of dawn till midningt radiant stay.
The joys of my seclusion are unending!
Of all that is most wonderful, most tender
The loud-voiced birds discourse with me today.

I'm happy. But the sloping road that straight
Across the forest runs to me is dearer,
And, too, the crooked bridge... What bliss that nearer
The glad day draws and I've not long to wait!

1916

Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют,—
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.
Как в зеркало глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака,—
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

1916

* * *

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мной сегодня птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

1916

O let the organ, many-voiced, sing boldly,
O let it roar like spring's first thunderstorm!
My half-closed eyes over your young bride's shoulder
Will meet your eyes just once and then no more.

Goodbye, be very happy, I relieve you
Of all your vows — but, dearest heart, take care
Lest my most sacred words, my ravings fevered
You breathe in your enamoured partner's ear.

Know this: they'll poison and corrode your ardent
And blessed union... I go forth to seek —
To seek and claim the lovely magic garden
Where grasses softly sigh and Muses speak.

1921

* * *

This wintry city where I wandered,
A child, my youthful heart entranced,
Today seems but a fortune squandered,
A gained and lost inheritance!

All that came easily and lightly
And that was spent with equal ease —
The fire of soul, the prayers that nightly
Poured out from it, the first song's bliss —

All, all, in mirrors' depths decaying,
Has gone, is now of haze a streak.
The noseless fiddler — hear him playing!—
Of the irreparable speaks.

But like a foreigner, elated
At hearing Russian speech am I,
And watch, absorbed and fascinated,
The horsedrawn sledges past me fly.

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза;
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,—

Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

1921

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

Joy's breath is full of savage freshness,
A strength that sweeps all else aside.
Is someone dear to me and precious
The staircase mounting at my side?..

1929

THE SHADE

What does a woman, one who is alone,
know of the hour of death?

O. Mandelstam

So chic, so tall, so like a rose — why do you, why
Float up, a spectre, from the bottom of the years,
And your dim, trembling profile, grasped by memory,
Behind the glass of coaches reappears?
The arguments were fierce — some called you bird, some angel;
A poet likened you quite aptly to a straw.
From out your gorge-dark eyes, through thick black lashes,
strangely

A tender light poured meant alike for all.
O shade, forgive me, do! It was this perfect weather,
Flaubert, insomnia, late lilac that of you,
Belle of nineteen-thirteen, reminded me, and too
Of your unruffled, cloudless days... They're altogether
Superfluous, these recollections that invade
My waking hours. They don't become me, shade... O shade!

1940

THE FOURTH

FROM THE CYCLE NORTHERN ELEGIES

One's memories live long and have three epochs.
The first is close, like yesterday; within
Its hallowed bower the soul enjoys repose,
And in its shade the body refuge finds.
The tears stream still, the peals of laughter linger,

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

ТЕНЬ

Что знает женщина одна о
смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

1940

ЧЕТВЕРТАЯ

(СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ)

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,

The spot of ink still stains the desk, and stamped
Upon the heart, the farewell kiss remains,
Indelible... But this is not for long...
The bower recedes, and in its place there stands
A lovely house, unswept and hung with cobwebs,
Where it is cold in winter, and in summer
Insufferably hot, where lovers' letters
Turn brown with dust, and treasured pictures fade,
Where people come as to a grave to lay
A wreath of flowers, and afterwards, at home,
Their hands wash with great care, and brush away
A fleeting tear, and sigh, and sigh again.
But clocks tick on, and seasons come and go,
The names of cities change, events retain
No witnesses, and memories and tears
May not be shared... Unwanted and unsought,
The shades of loved ones shrink and slip away,
And we recoil in horror from the thought
That they might reappear... And then the day
Dawns when, awakening with a start, and gripped
By sickening remorse, we realise
That we no longer know where lies the path
To that lone house, and run as in a dream,
Despairing, mute, to where it stood, and lo!—
Discover that the walls, the things, the people
Are different and strange, and that we too
Are strangers there... The bitter recognition
Then comes that we must shed the hope of fitting
The past into the pattern of our lives,
For it has long withdrawn from us and is
As alien to us as to an outsider.
And then we know — know all too well, alas —
That if the dead, by any chance, returned
We would not know them, that the cherished few
With whom God chose to part us do not miss us,
That it is better so, that it is all,
So fate wills, for the best...

1953

Пятно чернил не стерто со стола,—
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко.
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названия городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

1953

THIS RUSSIAN SOIL

In all the world no people are so tearless,
So proud, so simple as are we.

1922

In lockets for a charm we do not wear it,
In verse about its sorrows do not weep,
With Eden's blissful vales do not compare it,
Untroubled does it leave our bitter sleep.
To traffic in it is a thought that never,
Not even in our hearts, remote, takes root.
Before our eyes its image does not hover,
Though we be beggared, sick, despairing, mute.
 It's the mud on our shoes, it is rubble,
 It's the sand on our teeth, it is slush,
 It's the pure, taintless dust that we crumble,
 That we pound, that we mix, that we crush.
But it's ours, our own, and will open one day
To receive and embrace us and turn us to clay.

1961

THIRTEEN LINES

FROM THE CYCLE POEMS OF MIDNIGHT

You spoke at last...

 No wooer on bended knees
Those words, those fateful words would thus have spoken —
You said them like a captive who has broken
His chains, and fled, and through the blur of tears
A sacred grove of silver birches sees.
The silence sang and hummed; the sun's pure blaze
Cut shrough the shadows and the darkness banished;
The wine's flat taste had changed; the present vanished;
A world transformed by magic met your gaze.
And I who was to be a murderess,
I, cruelly doomed that fragile dream to shatter,
Sought to prolong it and refused to utter
The brutal words that would destroy such bliss.

1963

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1961

ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено,—
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

1963

Vladimir Mayakovsky

TO ALL AND EVERYTHING

No.

It can't be.

No!

You too, beloved?

Why? What for?

Darling, look —

I came,

I brought flowers,

but, but... I never took

silver spoons from your drawer!

Ashen-faced,

I staggered down five flights of stairs.

The street eddied round me. Blasts. Blares.

Tires screeched.

It was gusty.

The wind stung my cheeks.

Horn mounted horn lustfully.

Above the capital's madness

I raised my face,

stern as the faces of ancient icons.

Sorrow-rent,

on your body as on a death-bed, its days

my heart ended.

You did not sully your hands with brute murder.

Instead,

you let drop calmly:

"He's in bed.

There's fruit and wine

On the bedstand's palm."

Love!

You only existed in my inflamed brain.

Enough!

КО ВСЕМУ

Нет.

Это неправда.

Нет!

И ты?

Любимая,

за что,

за что же?!

Хорошо —

я ходил,

я дарил цветы,

я ж из ящика не выкрал серебряных
ложек!

Белый,

сшатался с пятого этажа.

Ветер щеки ожег.

Улица клубилась, визжа и ржа.

Похотливо взлазил рожок на рожок.

Вознес над суетой столичной одури
строгое —

древних икон —
чело.

На теле твоём — как на смертном óдре —
сердце
дни
кончило.

В грубом убийстве не пачкала рук ты.

Ты

уронила только:

«В мягкой постели

он,

фрукты,

вино на ладони ночного столика».

Любовь!

Только в моем

воспаленном

мозгу была ты!

Stop this foolish comedy
and take notice:
I'm ripping off
my toy armour,
I,
the greatest of all Don Quixotes!

Remember?
Weighed down by the cross,
Christ stopped for a moment,
weary.
Watching him, the mob
yelled, jeering:
"Get movin', you clod!"

That's right!
Be spiteful.
Spit upon him who begs for a rest
on his day of days,
harry and curse him.
To the army of zealots, doomed to do good,
man shows no mercy!

That does it!

I swear by my pagan strength —
gimme a girl,
young,
eye-filling,
and I won't waste my feelings on her.
I'll rape her
and spear her heart with a gibe
willingly.

An eye for an eye!

A thousand times over reap of revenge the crops!
Never stop!
Petrify, stun,
howl into every ear:
"The earth is a convict, hear,
his head half shaved by the sun!"

Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Помните:
под ношей креста
Христос
секунду
усталый стал.
Толпа орала:
«Марала!
Мааарррааала!»

Правильно!
Каждого,
кто
об отдыхе взмолится,
оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам
от человека пощады нет!

Довольно!

Теперь —
клянусь моей языческой силою! —
дайте
любую
красивую,
юную, —
души не растрachu,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!

Око за око!

Севы мести в тысячу крат жизни!
В каждое ухо ввой:
вся земля —
каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!

An eye for an eye!

Kill me,
bury me —
I'll dig myself out,
the knives of my teeth by stone — no wonder!—
made sharper.
A snarling dog, under
the plank-beds of barracks I'll crawl,
sneaking out to bite feet that smell
of sweat and of market stalls!

You'll leap from bed in the night's early hours.
"Moo!" I'll roar.
Over my neck,
a yoke-savaged sore,
tornados of flies
will rise.
I'm a white bull over the earth towering!

Into an elk I'll turn,
my horns-branches entangled in wires,
my eyes red with blood.
Above the world,
a beast brought to bay,
I'll stand tirelessly.

Man can't escape!
Filthy and humble,
a prayer mumbling,
on cold stone he lies.
What I'll do is paint
on the royal gates,
over God's own
the face of Razin.

Око за око!

Убьете,
похороните —
выроюсь!
Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду,
бешеный,
вгрызаться в ножища,
пахнувшие потом и базаром.

Ночью вскóчите!
Я
звал!
Белым быком возрос над землей:
Муууу!
В ярмо замучена шея-язва,
над язвой смерчи мух.

Лосем обернусь,
в провода
впутаю голову ветвистую
с налитыми кровью глазами.
Да!
Затравленным зверем над миром выстою.

Не уйти человеку!
Молитва у рта,—
лег на плиты просящ и грязен он.
Я возьму
намалюю
на царские врата
на божьем лице Разина.

Dry up, rivers, stop him from quenching his thirst! Scorn him!
Don't waste your rays, sun! Glare!
Let thousands of my disciples be born
to trumpet anathemas on the squares!
And when at last there comes,
stepping onto the peaks of the ages,
chillingly,
the last of their days,
in the black souls of anarchists and killers
I, a gory vision, will blaze!

It's dawning.
The sky's mouth stretches out more and more,
it drinks up the night
sip by sip, thirstily.
The windows send off a glow.
Through the panes heat pours.
The sun, viscous, streams down onto the sleeping city.

O sacred vengeance!
Lead me again
above the dust without
and up the steps of my poetic lines.
This heart of mine,
full to the brim,
in a confession
I will pour out.

Men of the future!
Who are you?
I must know. Please!
Here am I,
all bruises and aches,
pain-scorched...
To you of my great soul I bequeath
the orchard.

1916

Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему,—
чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анафему!
И когда,
наконец,
на веков верхі став,
последний выйдет день им,—
в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!

Светает.
Все шире разверзается неба рот.
Ночь
пьет за глотком глоток он.
От окон зарево.
От окон жар течет.
От окон густое солнце льется на спящий
город.

Святая месть моя!
Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
в исповеди!

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

1916

**TO HIS OWN BELOVED SELF
THE AUTHOR DEDICATES
THESE LINES**

Six.

Ponderous. The chimes of a clock.

“Render unto Caesar ... render unto God...”

But where’s

someone like me to dock?

Where’ll I find a lair?

Were I

like the ocean of oceans little,

on the tiptoes of waves I’d rise,

I’d strain, a tide, to caress the moon.

Where to find someone to love

of my size,

the sky too small for her to fit in?

Were I poor

as a multimillionaire,

it’d still be tough.

What’s money for the soul?—

thief insatiable.

The gold

of all the Californias isn’t enough

for my desires’ riotous horde.

I wish I were tongue-tied,

like Dante or Petrarch,

able to fire a woman’s heart,

reduce it to ashes with verse-filled pages!

My words

and my love

form a triumphal arch:

through it, in all their splendour,

leaving no trace, will pass

the inamoratas of all the ages!

**СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ,
ПОСВЯЩАЕТ
ЭТИ СТРОКИ АВТОР**

Четыре.
Тяжелые, как удар.
«Кесарево кесарю — богу богово».
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
как Великий океан,—
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное
небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя —
триумфальная арка:
пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.

Were I
as quiet as thunder,
how I'd wail and whine!
One groan of mine
would start the world's crumbling cloister shivering.
And if
I'd end up by roaring
with all of its power of lungs and more —
the comets, distressed, would wring their hands
and from the sky's roof
leap in a fever.

If I were dim as the sun,
night I'd drill
with the rays of my eyes,
and also
all by my lonesome,
radiant self
build up the earth's shriveled bosom.

On I'll pass,
dragging my huge love behind me.
On what
feverish night, deliria-ridden,
by what Goliaths was I begot —
I, so big
and by no one needed?

1916

ATTITUDE TO A MISS

That night was to decide
if she and I
were to be lovers.
Under cover
of darkness
no one would see, you see.

О, если б был я
тихий,
как гром,—
ныл бы,
дрождю объял бы земли одряхлевший
скит.

Я
если всей его мощью
выреву голос огромный —
кометы заломят горящие руки,
бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи —
о, если б был я
тусклый,
как солнце!
Очень мне надо
Сияньем моим поить
Земли отощавшее лонце!

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?

1916

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам? —
темно,
никто не увидит нас,

I bent over her, it's the truth,
and as I did,
it's the truth, I swear it,
I said
like a kindly parent:
"Passion's a precipice —
so won't you please
move away?
Move away,
please!"

1920

GOOD!

14

Over those
 whom sleep eternal claimed
that lean,
 harsh winter
 spread
 a pall.

What are words!
 Words
 are lame!
On the Volga sores
 I refuse
 to dwell.
Of a string of days
 I choose
 to speak,
akin
 to a thousand others,
 bleak,
pushed on
 by the years,
 oarsmen eager,

Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».

1920

ХОРОШО!

гл. 14

Скрыла
 та зима,
 худа и строга,
всех,
 кто на́век
 ушел ко сну.
Где уж тут словам!
 И в этих
 строках
боли
 волжской
 я не коснусь.
Я
 дни беру
 из ряда дней,
что с тыщей
 дней
 в родне.
Из серой
 полосы
 деньки,
их гнали
 годы —
 водники —

not over-fat
 nor
 over-meagre.
 If ever
 something of worth
 I wrote
 it was all
 the fault
 of a pair
 of eyes—
 bottomless skies,
 my beloved's eyes.
 Huge they are,
 round,
 dark brown,
 with a speck
 of hazel,
 coal-hot,
 blazing.
 The phone's gone
 stark-raving mad,
 an axe's
 blunt edge
 striking the ear:
 wham!
 Round the huge brown eyes—
 pads:
 hunger's
 to blame.
 Doctor's orders:
 for the eyes
 to be able
 to eye
 the world,

 heat the place,
 put greens
 on the table.
 By their curly green tails—
 behold!—

не очень
 сытенькие,
не очень
 голодненькие.
Если
 я
 чего написал,
если
 чего
 сказал —
тому виной
 глаза-небеса,
любимой
 моей
 глаза.
Круглые
 да карие,
горячие
 до гари.
Телефон
 взбесился шалый,
в ухо
 грохнул обухом:
карие
 глазища
 сжала
голода
 опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
 глазели,
нужна
 теплота,
нужна
 зелень.
Не домой,
 не на суп,

I'm holding
 two carrots
 crunchy.
 They're not
 for my stew:
 I'm taking them to
 my sweetheart,
 for her
 to munch.
 Boxes of sweets
 and flowers
 freely
 I handed out,
 but
 I recall
 that those carrots
 plus firewood
 (half a billet)
 were
 the most precious
 gift
 of all.
 Thrust under my arm
 are
 damp pieces of wood:
 knobby sticks,
 eyebrow-thick.
 Face puffy,
 eyes—splits:
 it's
 malnutrition.
 Greens and care—
 eyes clear.
 Bigger than saucers,
 they eye
 the Revolution.
 Easier for me
 than for most
 (it's no boast!)
 Because I'm
 Mayakovsky.

а к любимой
 в гости,
две морковинки
 несу
за зеленый хвостик.
Я
 много дарил
 конфekt да букетов,
но больше
 всех
 дорогих даров
я помню
 морковь драгоценную эту
и пол-
 полена
 березовых дров.
Мокрые,
 тощие
под мышкой
 дровинки,
чуть
 потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки-
 щелки.
Зелень
 и ласки
выходили глазки.
Больше
 блюдца,
смотрят
 революцию.
Мне
 легше, чем всем,—
я
Маяковский.

I sit and chew
 a fresh
 piece of horse flesh.
 The door whines.
 My kid sister.
 "Hullo!"
 "Hullo!"
 "Volodya, listen,
 it's New Year's tomorrow.
 Got some salt
 I could borrow?"
 "A pinch.
 Wet too.
 Here,
 let's divide it in two."
 Wading through snow,
 fighting fear,
 with an
 "Oh, dear,
 how'll I keep on my feet!"
 Olga stumbles along
 the icy,
 three-mile long
 Presnya Street.
 Home
 to salt her potatoes
 she hastens.
 Frost
 walks
 beside her,
 grows fierce,
 inches
 closer,
 tickles
 and pinches.
 "Gimme it!
 Isn't that salt
 you're hiding?"
 Home at last,
 and didn't lose it.

Сижу
и ем
кусок
конский.

Скрип —
дверь,
плача.

Сестра
младшая.

— Здравствуй, Володя!
— Здравствуй, Оля!
— Завтра новогодие —
нет ли
соли?—

Делю,
в ладонях вешаю
щепотку
отсыревшую.

Одолевая
снег
и страх,
скользит сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.

Рядом
мороз
шел
и рос.

Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.

But how use it?
 To her fingers
 it's frozen fast.
 Behind the wall
 shuffling feet.
 "Here, wife,
 we gotta eat.
 Trade my coat
 for millet,
 will ye?"
 Look through the pane—
 it's snowing again.
 The snow falls,
 covering all.
 Soft its step,
 yes,
 and light.
 Moscow's
 a cliff,
 bare
 and white.
 Snow lies
 in banks
 and drifts.
 Of forests
 the skeleton clings
 to the cliff.
 Daybreak.
 Into the sky's thick shawl
 the sun,
 a louse,
 crawls.
 December's late dawn,
 worn out,
 shivery,
 hangs
 over Moscow
 like typhus fever.

Пришла,
а соль
не вáлится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой шарк:
«Иди,
жена,
продай
пиджак,
купи
пшена».

Окно,—
с него
идут
снега,
мягка
снегов
тиха
нога.
Бела,
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса
небу в шаль
вползает
солнца вша.
Декабрьский
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.

Storm clouds vagrant
to fat lands migrate.
Wrapped in haze,
its chest sticking out,
America lies.

What is it doing?—
Lapping up
coffee
and cocoa
by the cup.

Into your face,
thick as the snout
of a good-sized pig,
than a round tray rounder,
from this hungering land of ours
I shout:

My love
for my land
is boundless!

You can forget
when
and where
you stuffed
your craw
and your belly,
but

the land
you hungered with
you can never
as long as you live and breathe
forget!

1927

Ушли
 тучи
к странам
 тучным.
За тучей
 берегом
лежит
 Америка.
Лежала,
 лакала
кофе,
 какао.
В лицо вам,
 толще
 свиных причуд,
круглей
 ресторанных блюд,
из нищей
 нашей
 земли
 кричу:
Я
 землю
 эту
 люблю.
Можно
 забыть,
 где и когда
пузы растил
 и зобы,
но землю,
 с которой
 вдвоем голодал,—
нельзя
 никогда
 забыть!

1927

CONVERSATION WITH COMRADE LENIN

Awhirl with events,
 packed with jobs one too many,
the day slowly sinks
 as the night shadows fall.
There are two in the room:
 I
 and Lenin—
a photograph
 on the whiteness of wall.
The stubble slides upward
 above his lip
as his mouth
 jerks open in speech.
 The tense
creases of brow
 hold thought
 in their grip,
immense brow
 matched by thought immense.
A forest of flags,
 raised-up hands thick as grass...
Thousands are marching
 beneath him...
 Transported,
alight with joy,
 I rise from my place,
eager to see him,
 hail him,
 report to him!
“Comrade Lenin,
 I report to you—
(not a dictate of office,
 the heart’s prompting alone)

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетинка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.
Должно быть,
 под ним
 проходят тысячи...
Лес флагов...
 рук трава...
Я встал со стула,
 радостью высвечен,
хочется —
 идти,
 приветствовать,
 рапортовать!
«Товарищ Ленин,
 я вам докладываю
не по службе,
 а по душе.

This hellish work
that we're out to do
will be done
and is already being done.
We feed and we clothe
and give light to the needy,
the quotas
for coal
and for iron
fulfill,
but there is
any amount
of bleeding
muck
and rubbish
around us still.
Without you,
there's many
have got out of hand,
all the sparring
and squabbling
does one in.
There's scum
in plenty
hounding our land,
outside the borders
and also
within.
Try to
count 'em
and
tab 'em—
it's no go,
there's all kinds,
and they're
thick as nettles:

Товарищ Ленин,
 работа адовая
будет
 сделана
 и делается уже.
Освещаем, одеваем нищ и óголь,
ширится
 добыча
 угля и руды...
А рядом с этим,
 конешно,
 много,
много
 разной
 дряни и ерунды.
Устаешь
 отбиваться и отгрызаться.
Многие
 без вас
 отбились от рук.
Очень
 много
 разных мерзавцев
ходят
 по нашей земле
 и вокруг.
Нету
 им
 ни числа,
 ни клички,
целая
 лента типов
 тянется.

kulaks,
 red tapists,
 and,
 down the row,
 drunkards,
 sectarians,
 lickspittles.
 They strut around
 proudly
 as peacocks,
 badges and fountain pens
 studding their chests.
 We'll lick the lot of 'em—
 but
 to lick 'em
 is no easy job
 at the very best.
 On snow-covered lands
 and on stubbly fields,
 in smoky plants
 and on factory sites,
 with you in our hearts,
 Comrade Lenin,
 we build,
 we think,
 we breathe,
 we live,
 and we fight!"
 Awhirl with events,
 packed with jobs one too many,
 the day slowly sinks
 as the night shadows fall.
 There are two in the room:
 I
 and Lenin—
 a photograph
 on the whiteness of wall.

1929

Кулаки
и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы,—
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных...
Мы их
всех,
конечно, скрутим,
но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьем,
вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!..»
Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

1929

* * *

It's after one, and you must be in bed. Uncurbed,
The Milky Way flows through the night, a silver stream.
No telegrams, a thunderbolt each one: I'll not disturb
You, that's a promise. Sleep and have your dreams.
It's over. Period. The love boat's smashed
Against the reefs of day-to-day existence.
We're quits, so why keep score of all the rash
Things said and done with such perverse insistence!
How still the world is! See? Night from the skies
Exacts a tribute: stars. Filled with elation,
It's then one wants to rise—rise and address
Time, time and history, and all creation...

1930

* * *

Уже второй. Должно быть, ты легла.
В ночи Млечпуть серебряной Окою.
Я не спешу, и молниями телеграмм
мне незачем тебя будить и беспокоить.
Как говорят, инцидент исперчен.
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете. И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.
Ты посмотри, какая в мире тишь.
Ночь обложила небо звездной данью.
В такие вот часы встаешь и говоришь
векам, истории и мирозданию.

1930

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. ПУШКИН

Муза	11
Узник	11
Ночь	13
Фонтану Бахчисарайского дворца	13
К***	15
Зимний вечер	15
«В крови горит огонь желанья...»	19
Признание	19
Зимняя дорога	21
Поэт	23
«Не пой, красавица, при мне...»	25
«На холмах Грузии...»	25
«Зима. Что делать нам в деревне?...»	27
Зимнее утро	29
Кавказ	31
«Что в имени тебе моем?...»	33
«Когда в объятия мои...»	35
Бесы	35
Элегия	39
Осень	39

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Парус	49
Русалка	49
Узник	51
«Когда волнуется желтеющая нива...»	53
Три пальмы	55
Дары Терека	59
«И скучно, и грустно...»	63
Кавказская колыбельная песня	65
Тучи	67
Родина	69
Сон	69
«Выхожу один я на дорогу...»	71

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Весенняя гроза	77
Видение	77
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	79
«Как океан объемлет шар земной...»	79
Осенний вечер	79
Silentium!	81
«О чем ты воешь, ветер ночной?»	83
«Душа моя — Элизиум теней...»	83
«Нет, моего к тебе пристрастия...»	85
«Еще земли печален вид...»	85
«Еще томлюсь тоской желаний...»	87
«Когда в кругу убийственных забот...»	87
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	89
«О, не тревожь меня укорой справедливой...»	89
«Есть в осени первоначальной...»	89
«Осенней позднею порою...»	91
«О, этот юг! о, эта Ницца...»	91
«Весь день она лежала в забытии...»	93
«Певучесть есть в морских волнах...»	93
«Ночное небо так угрюмо...»	95
К. Б.	95

И. А. БУНИН

«В темнеющих полях, как в безграничном море...»	101
«Не видно птиц. Покорно чахнет...»	101
Плеяды	103
С острой	103
Каменная баба	105
Стамбул	105
Проводы	107
Рыбачка	107
В Архипелаге	109
Бедуин	111
Собака	111
Полночь	113
«Шипит и не встает верблюд...»	113
Цирцея	115
Молодость	117
Последний шмель	117
«И цветы, и шмели...»	119

А. А. БЛОК

Обман	123
«И я опять затих у ног...»	125
«И я провел безумный год...»	127
Песня Фаины	131
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	133
«Май жестокий с белыми ночами...»	135
На поле Куликовом	135
Равенна	137
Девушка из Spoleto	139
«Холодный ветер от лагуны...»	141
В ресторане	143
Шаги командора	145

А. А. АХМАТОВА

«Высоко в небе облачко серело...»	151
Песня последней встречи	151
«Я научилась просто, мудро жить...»	153
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	153
Вечером	155
«Каждый день по-новому тревожен...»	155
«Вечерние часы перед столом...»	157
«Я пришла к поэту в гости...»	157
«Чернеет дорога приморского сада...»	159
«Покинув рощи родины священной...»	159
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	161
«Пусть голоса органа снова грянут...»	163
«Тот город, мной любимый с детства...»	163
Тень	165
Четвертая (Северные элегии)	165
Родная земля	169
Тринадцать строчек	169

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Ко всему	173
Себе, любимому, посвящает эти строки автор	181
Отношение к барышне	183
Хорошо! (поэма), гл. 14	185
Разговор с товарищем Лениным	197
«Уже второй. Должно быть, ты легла...»	203

REQUEST TO READERS

Raduga Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send all your comments to 17, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.

...AND POETRY IS BORN...

Russian Classical Poetry

This book is designed to acquaint readers with samples of Russian classical poetry of the 19th and the beginning of the 20th century.

It is a selection of verse by seven major Russian poets and includes some of the finest poems of Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Fyodor Tyutchev, Ivan Bunin, Alexander Blok, Anna Akhmatova and Vladimir Mayakovsky. The poems have been rendered into English by the well-known Soviet translator Irina Zheleznova.

